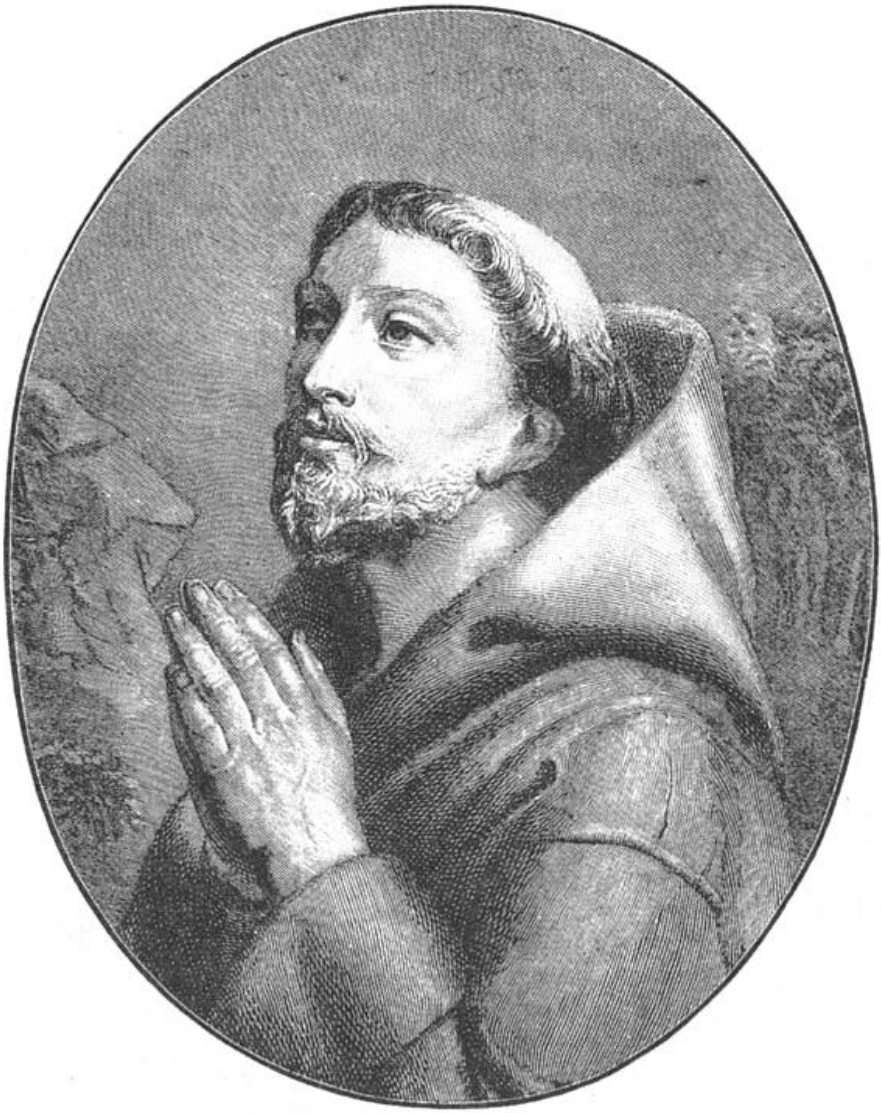
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Э. К. Пименова
  -
  - Вступление
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Э. К. Пименова
Франциск Ассизский
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом Франциска, гравированным в Лейпциге Геданом



Вступление

Nihil habentes, omnia possidentes[1]

Если мы будем рассматривать историю не как перечень фактов и событий, описание битв, переворотов и перемен династий, а постараемся проследить эволюцию идей и чувств народов, понять настроение людей той или другой эпохи, то увидим, что в конце XII и в начале XIII века как будто новая свежая струя пронеслась над Европой, раздробленной и измученной кровавыми раздорами и распрями. В обыкновенные времена каждый народ живет своими отдельными интересами, своими радостями и печалями, но когда наступает кризис, – солидарность человеческого рода выступает особенно ярко и с такой силой, которую трудно было бы подозревать. Так было в 1789 году, так было и в XIII веке, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь возрождения христианства.

Никогда, ни прежде, ни в последующие эпохи, границы не имели так мало значения и не было такого смешения национальностей и сближения народов, как в эту знаменательную эпоху.

“Нищенствующие ордена, – говорит биограф Франциска Ассизского, Поль Сабатье, – были при своем возникновении настоящими международными учреждениями. Когда в 1216 году св. Доминик собрал в Нотр-Дам-де-Пруилль своих братьев, их оказалось шестнадцать, и в том числе были: кастильцы, наваррцы, нормандцы, французы, лангедокцы и даже англичане и немцы. Еретики странствовали по всей Европе и нигде их не останавливала разность языка. Арно де Брешиа, например, знаменитый римский трибун, появляется во Франции, в Швейцарии и даже в Германии”.

Великое движение мысли в XIII веке было прежде всего религиозным движением, но носило светский характер. Оно вышло из недр народа и, несмотря на разные колебания и уклонения, все-таки стремилось к одной цели – отнятию святыни из рук духовенства. Тринадцатый век можно назвать не только веком святых, но и веком еретиков. Никогда еще церковь не была более могущественной, но никогда она и не подвергалась большей опасности. Быть может, если бы попытка религиозной революции, произведенная Франциском Ассизским, увенчалась успехом, она привела бы к уничтожению касты духовенства и к провозглашению прав индивидуальной совести. Но попытка эта потерпела фиаско, и позднее реформация произвела перемену

лишь в том отношении, что власть священника заменилась властью писаний. “Но это была лишь перемена династий”, – замечает Поль Сабатье.

В то время, когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, римская церковь давно уже служила предметом ужаса для всего христианского мира. Запятнавшая себя убийствами и корыстолюбием, то униженная, то жестокая в минуты своего торжества, западная церковь заслонила собою Бога от лица людей. Она прервала общение человека с Богом и заменила искреннюю веру такими добрыми делами, которые, по понятиям церкви, означали приношения верующих в казну духовенства. Церковь старалась возбуждать в верующих сознание полного бессилия, страх гибели без заступничества священника, служителя церкви, являющегося во всех случаях посредником между верующими и Богом.

Вынужденная часто защищать свое существование, церковь сделала своим кумиром власть и богатство. Она то прибегала к грубой силе, то обращалась к религиозному энтузиазму народов, то пускала в ход подкуп. В этом водовороте земных страстей погибло все, что составляло некогда основу христианства; Евангелие было забыто, и его заменили узкие фарисейские теории.

“Священник в XIII веке, – говорит Поль Сабатье, – был антитезой святого и почти всегда его врагом. Отделенный от всего остального человечества священным миропомазанием, считающий себя представителем Всемогущего Бога, – священник сам становился для народа чем-то вроде божества, облеченного таинственной властью, могущего вредить или приносить пользу, – человеком, к которому надо приближаться с трепетом благоговения. Святой же, наоборот, ничем не выдавал своей миссии, но жизнь его и слова проникали в душу и покоряли все сердца. Он не нес обязанностей в церкви, но у него внезапно являлась потребность возвысить в ней свой голос. Дитя народа, он понимал все его материальные и нравственные нужды и слышал голос его сердца”.

Таков был Франциск Ассизский; таковы были и все святые XIII века. Они были по преимуществу пророками, но не на основании посвящения церкви, а вследствие внутреннего призвания.

“Как только священник чувствовал, что он побежден пророком, – говорит Сабатье, – он тотчас же менял свое отношение к нему и брал его под свое покровительство; он вносил тогда проповедь пророка в священные книги и набрасывал на его плечи священническое облачение. Проходили дни, года, и,

наконец, наступал такой момент, когда толпа переставала различать священника от пророка и видела в пророках продукт духовенства. В этом именно и заключается самая горькая ирония истории".

Франциск Ассизский был святым средних веков. Ничем не обязанный ни церкви, ни школе, он в самом деле может быть назван "теодидактом". Если даже он и не сознавал революционного значения своей проповеди, то тем не менее он всегда отказывался быть рукоположенным в священники; он понимал, что его духовное священство много выше.

Франциск был дитя народа, и народ узнавал себя в нем.

Его идеи были народными идеями, и он воплощал в себе душу итальянской нации совершенно так же, как воплотил ее позднее Данте. Он усвоил себе все народные стремления, его поэзию, его надежды. В Ассизи так же, как и во многих других итальянских городах, население делилось на два класса: богатых и бедных, "popolo grasso" и "popolo minuto". Франциск Ассизский стал решительным образом на сторону последних. В этом заключалась политическая сторона его апостольства, и этим объясняется изумительный успех и популярность францисканского движения с самого начала его возникновения.

Италия, измученная войнами, опустошавшими ее, раздираемая междоусобицами, разоренная и разграбленная, почувствовала точно веяние свежей струи, возрождавшей ее к новой жизни, когда раздалась проповедь Франциска. Победа итальянских городов над войсками германского императора вновь возбудила надежду на возвращение национальной независимости страны. Но не одна Италия встрепенулась, когда возникло францисканское движение. Вся христианская Европа, измученная и истерзанная страхом перед Страшным судом, ожидающая пришествия антихриста как кары за все свои беззакония, тщетно искала дороги к спасению и жаждала мира и спокойствия души. Многие, стремясь найти этот покой и спасение, скрывались в стенах монастырей. Но монастыри могли приютить лишь небольшую часть христианского мира, и при этом монашество далеко не всем доставляло удовлетворение. Народ не получал из монастырей благой вести утешения и любви; монахи если и обретали сами спокойствие души, то все же не умели доставлять его другим. Они были слишком далеки от мира, и их молитвы не были слышны народу; кроме того, монастыри, вынужденные защищать свое благосостояние, имущество и независимость от разных посягательств, носили характер настоящих крепостей.

Францисканское движение, которое привело к образованию

религиозного монашеского ордена, вначале было как бы выражением протеста христианской совести против “монахизма”; во всяком случае оно стремилось установить идеал, гораздо более высокий, чем тот, который существовал у тогдашнего духовенства. Франциск Ассизский не думал ни о преобразовании церкви или свержении ее недостойных служителей, ни о восстановлении монашества и удалении от мира. Он стремился лишь к обновлению душ путем возрождения христианства в его первобытной чистоте; он жаждал увлечь церковь на путь усовершенствования, пробудить в ней стремление к евангельскому идеалу. Он сознавал, что в удалении от мира для созерцательной жизни заключается глубокий эгоизм, и поэтому не поддавался искушению уйти от действительной жизни, со всеми ее горестями, злом и несчастием. Он видел раны и старался излечить их, вместо того, чтобы бежать от них. Он не только проповедовал любовь, но и весь был переполнен любовью и состраданием ко всем живущим в мире. Он шел не к счастливым и здоровым, а к бедным, несчастным, забытым, презираемым, к прокаженным и разбойникам.

Весьма вероятно, что пробелы теологического образования Франциска Ассизского принесли ему только пользу в его деятельности. Если бы он хорошо знал духовную дисциплину, то был бы обязан ее соблюдать; но так как она была ему совершенно незнакома, то, благодаря своему неведению, он часто нарушал ее бессознательно и становился настоящим еретиком, по понятиям церкви, сам не подозревая этого.

Официальные биографы Франциска Ассизского обыкновенно впадают в ошибку, стараясь как можно более разукрасить его образ и его жизнь. За этими украшениями искусственным сиянием, окружающим его, зачастую исчезает действительный образ замечательного “апостола нищеты”, гораздо более прекрасный. Жизнь Франциска Ассизского сама по себе так хороша, что не нуждается в прикрасах, и духовные авторы оказывают ему плохую услугу, стараясь выделить из среды всего остального человечества, как будто он не имеет с ним ничего общего.

Такие авторы, стремясь окружить Франциска как можно более лучезарным сиянием, представить его как отмеченного божественной печатью с самого рождения, как “родившегося святым”, а не сделавшегося им впоследствии, быть может, и возвышают его в глазах суеверных людей, но тем не менее лишают его жизнь той поучительности, которую она должна была бы иметь. Святой стоит так высоко над человечеством, что простые смертные не могут следовать его примеру, ибо они не

отмечены божественной печатью, – не считая его таким же человеком, как и мы сами, мы не слышим внутреннего голоса, который бы говорил нам: “Иди и поступай так!”. Мы поклоняемся ему как существу высшему, но не стремимся подражать ему.

Но когда Франциск Ассизский начал свою проповедь, он еще не был окружен тем ореолом недосягаемой святости, каким окружают его теперь официальные биографы. Измученные, исстрадавшиеся люди чувствовали в нем брата, понимающего их и болеющего о них; они видели в нем своего руководителя – и все, что было лучшего тогда в стране, устремилось по его следам.

Глава I

Детство и* юность *Франциска Ассизского. – Разгульный образ жизни. – Болезнь и нравственный перелом. – Неудачный поход. – Душевная борьба. – Паломничество в Рим. – Франциск обретает душевный покой

Маленький городок Ассизи, родина Франциска, до сих пор еще сохранил свою средневековую наружность, невзирая на то, что пронеслись века, с тех пор как оттуда раздались слова кроткой проповеди мира и любви. Узкие длинные улицы, дома, сохранившие свой прежний тип, развалины феодального замка – все это напоминает о далекой старине и переносит посетителя в те отдаленные времена, когда провансальская поэзия только что начала распространяться в итальянских городах, внося с собою свет и веселье в души людей, охваченных постоянным ужасом под влиянием мыслей об ожидающем их вечном наказании за грехи и страхом перед грозною властью церкви. Средние века особенно тяжело отзывались на городках подобных Ассизи, где постоянно сталкивались власть церкви и феодальных баронов. Население терпело от этой распри, от притеснений светской и духовной власти и, склоняясь под тяжестью угроз, с тоскою жаждало вести утешения и мира.

Скромный городок гористой Умбрии Ассизи жил собственною жизнью, не тронутый цивилизацией больших городов, как Флоренция, Милан и др., но тем не менее процветал, благодаря торговле. Поэзия трубадуров, проникшая в Италию, оказала свое влияние и на жителей Умбрии, развив у них вкус к пышным празднествам, к любовным песням и т. п. Чем мрачнее казалась окружающая жизнь, тем с большей страстностью искали люди забвения или в вихре наслаждений, в искусственной поэзии, или в суровом аскетизме и умерщвлении плоти. Люди того времени обладали всеми пороками, исключая пошлости, всеми добродетелями, кроме умеренности; это были разбойники или святые. Жизнь была слишком тяжела, и слабые погибали в большинстве случаев, следствием чего и явилось преобладание энергичных характеров. Надо было ежеминутно заботиться о предупреждении опасностей, угрожающих человеку со всех сторон, и приходилось принимать быстрые и энергичные решения. Всевозможные распри, войны, заговоры и почти повальные избиения побежденных, борьба папства с империей, с еретиками, неверными и тому подобные условия постоянно поддерживали людей в возбужденном состоянии, вызывая в их воображении картины, то исполненные ужаса, то наполнявшие

душу блаженством. Одним словом, мысли людей той эпохи постоянно вращались вокруг рая и ада, заставляя их искать спасения в такого рода проявлениях благочестия, которые нас, людей другой эпохи, могут поражать своею полною нелепостью и несообразностью.

В такую-то тяжелую эпоху всеобщего смятения умов, в 1182 году, у зажиточного ассизского торговца сукном, Петра Бернардоне, родился сын, названный матерью при крещении Джованни, но затем переименованный отцом, по возвращении из Франции, где он находился во время рождения сына, во Франциска. Биографы Франциска мало сохранили сведений о его родителях, хотя впоследствии легенда, как и следовало ожидать, сильно разукрасила вымыслами его рождение. Известно, однако, что отец Франциска был богат, так как торговля приносила ему хорошие доходы.

В те времена жизнь купцов в значительной мере отличалась от теперешней. Им приходилось очень много разъезжать, совершая даже довольно отдаленные путешествия, чтобы запастись товарами. Путешествия эти зачастую были сопряжены с немалыми опасностями вследствие того, что дороги находились в первобытном состоянии, и разбойники беспрепятственно хозяйничали в стране. В своих разъездах торговцы различными тканями посещали замки феодальных владельцев, где появление их всегда составляло событие, так как они привозили не только товары, но и свежие новости с разных концов страны. Поэтому они всегда были желанными гостями в замках; их удерживали подолгу, расспрашивали обо всем. Понятно, это вызывало некоторого рода сближение между аристократией того времени и крупными торговцами, так что в некоторых странах, например, в Провансе, на купцов смотрели почти как на дворян, но лишь второго разряда.

В религиозных движениях XIII века купцы играли далеко не последнюю роль именно потому, что они разносили по разным местам не одни только товары, но идеи, преимущественно религиозного характера, так как религиозные новости больше всего интересовали людей той эпохи, благодаря господствовавшему направлению мыслей. Во время своих странствований по белу свету купцы очень часто являлись сознательными или бессознательными проводниками идей – еретических, революционных и др. – и немало способствовали распространению некоторых сект и ересей.

Весьма возможно, что Петр Бернардоне своими рассказами по возвращении из разных поездок бессознательно способствовал появлению некоторых идей в душе сына, из которых

впоследствии развилось его призвание; вероятно впечатлительный ребенок с интересом прислушивался к рассказам отца, отражавшим в себе не только мировоззрения эпохи, но и все ее ужасы и противоречия.

Когда Франциск подрос, его отдали в школу, находившуюся в те времена, как и везде, под кровом церкви. Наставниками Франциска были, конечно, священники, научившие его немного по-латыни, а этот язык был наиболее распространен и употреблялся как для проповедей, так и для политических сношений. Но Франциск, кроме того, знал и французский язык, которому вероятно научился в родной семье. Этим и ограничилось образование Франциска; он даже не научился хорошенько писать и поэтому брался за перо лишь в исключительных случаях, предпочитая диктовать и подписывать свои писания простым крестом. По словам одного из биографов Франциска, Сабатье, хранящийся в “Casto Convento”[2] подлинный автограф Франциска указывает на крайнюю неуверенность почерка, как бы свидетельствующую о том, что святой мало упражнялся в письме.

Жизнь Франциска в первые годы его детства ничем не отличалась от жизни других детей его возраста. В Умбрии, как и в Тоскане, у детей и теперь замечается склонность к забавам, которые бы им давали возможность выказывать в особенном блеске свои достоинства. Они любят изображать рыцарей, воинов, устраивать процессии, и конечно, Франциск, как сын зажиточных родителей, благодаря богатству и личным качествам, должен был играть одну из главных ролей в таких забавах, и всегда шествовал во главе процессий, устраиваемых его городскими сверстниками.

Фома Челано, один из учеников Франциска и составитель его первой биографии, с негодованием отзывается о системе воспитания, господствовавшей в то время; родители чуть не с пеленок развращали детей, развивая в них тщеславие и разные другие пороки. Конечно, и Франциск не избег общей участи. Отец и мать баловали его и не мешали ему бросать деньги направо и налево. Их самолюбию льстило, что Франциска постоянно окружали дети богатых и важных дворян, которых он привлекал своею безумною расточительностью. Эти дворянчики, часто пользовавшиеся щедротами Франциска, составляли нечто вроде его придворного штата, поощрявшего все его похождения. Он часто гулял по улицам города по ночам, при свете факелов, окруженный толпою молодежи в богатых нарядах и держа начальнический жезл в руках. Такие процессии не раз смущали спокойствие жителей маленького городка, и выходки Франциска служили нескончаемым предметом разговоров и толков. Соседки

зачастую указывали матери Франциска, доброму и кроткому созданию, на безумства и беспорядочность жизни ее сына, но она обыкновенно отвечала на это: “Ну, что вы думаете? Я надеюсь, если будет угодно Богу, мой сын еще сделается добрым христианином”. Словам этим, столь обыкновенным в устах матери, придан был впоследствии пророческий смысл.

Как далеко зашел Франциск в своем разгуле, – на этот счет показания его биографов расходятся. Фома Челано и “три товарища”, францисканские братья Лев, Анджело, Руфин, его первые биографы, все сходились в том, что Франциск дошел до крайних степеней разгула. В позднейших биографиях Франциска об этом предмете говорится только вскользь, так как отцы церкви очевидно не желали о нем много распространяться. Во всяком случае, Франциск своим шумным весельем, своими выходками и расточительностью обращал на себя общее внимание и приобрел известность. Его богатства, эксцентричные костюмы возбуждали всегда много толков в городе, который он наполнял своею бурною веселостью и веселыми похождениями.

Но поэзия трубадуров, так увлекавшая в то время итальянскую молодежь, будила в них не одни только стремления к блестящим пиршествам и прославлению любви, возбуждая в них также и возвышенные чувства. Эта сторона поэзии не могла не оказать особенного влияния на впечатлительную душу Франциска, остававшегося, несмотря на разгульный образ жизни, нежным и чувствительным юношей, никогда не позволявшим себе ни одной грубой, неприличной выходки, ни на словах, ни в поступках. Франциск старательно избегал пошлости – его привлекало лишь то, что возвышалось над общим уровнем. Он страшно увлекался рыцарством и стремился подражать рыцарям, в которых всегда готов был видеть свой идеал. Он не мог оставаться нечувствительным к чужим страданиям. Вид бедняка всегда действовал на его впечатлительную душу... Когда ему случалось во время оргий наталкиваться на нищих, просящих подаяния, вид их всегда глубоко действовал на него. Он моментально забывал обо всем, как-то невольно ставил себя на место нищего и, проникаясь его положением, отдавал ему все, что у него было, деньги и даже одежду.

Однажды он был занят с покупателями в лавке отца. Туда вошел нищий и попросил у Франциска подаяния именем Господа. Франциску было не до нищего, и он довольно нетерпеливо отказал ему, но тотчас же раскаялся. Он сказал себе, что если бы нищий обратился к нему именем графа или барона, – он наверное не отказал бы ему так грубо. Франциску стало стыдно: повинуясь своему душевному порыву, он бросился из лавки вслед за нищим

и вернул его.

Отец Франциска сначала смотрел на поведение сына довольно снисходительно. Ему нравилось, что тот водится все со знатными господами и сорит деньгами, как какой-нибудь важный вельможа. Бернардоне утешал себя тем, что он может посредством торговых операций восполнять ущерб, производимый сыном в его кармане. Но вскоре чересчур громкие похождения и расточительность Франциска начали не на шутку тревожить Бернардоне, и он пробовал удержать его, но бесполезно.

Как раз в это время политические события заставили встрепенуться всю Умбрию и Италию. После очень грозной борьбы с империей союзные республики добились признания, отняв у Фридриха Барбароссы почти все прерогативы власти, предоставив ему только одни ее наружные знаки да отличия. После битвы при Леньяно надежда на освобождение охватила всю Италию; все сердца забились в унисон, и можно было ожидать, что Италия восстанет как один человек и окончательно свергнет иго иностранцев. Но – увы – раздоры были слишком сильны: пробужденное было стремление к свободе не могло побороть их, и преемник Барбароссы еще сильнее дал почувствовать Италии тяжесть своей руки.

Однако движения идей он остановить не мог. Проснувшийся дух свободы все-таки заявлял о своем существовании, и даже маленький городок не оставался безучастным в борьбе, которая велась за независимость. Конечно, он понес за это тяжкое наказание; у него были отняты его привилегии, и он должен был подчиниться Конраду Швабскому, герцогу Сполетскому, который и держал его в повиновении до тех пор, пока на папский престол не вступил Иннокентий III. Тут герцог понял, что он пропал, тем более, что Иннокентий III отказался от всех его подношений, так как не желал иметь вид, как будто он покровительствует немцам. Герцогу волей-неволей пришлось выехать из замка и отправиться к папе с изъявлениями покорности.

Как только герцог уехал, жители Ассизи бросились на его замок и почти не оставили там камня на камне. Затем так же поспешно они выстроили вокруг своего городка каменные стены. Франциск, которому было тогда 17 лет, принимал, конечно, участие в постройке и, вероятно, в это время и научился искусству каменщика, которое впоследствии так пригодилось ему.

К сожалению, жители Ассизи не сумели воспользоваться приобретенною свободой как следует. Сознание собственной силы вскружило им голову, и они вздумали распространить

победу далее и завладеть имуществом дворян, которые заперлись в своих замках и дворцах; некоторые из замков были сожжены, и тогда графы и бароны обратились с просьбою о помощи к другим городам.

Перуджиа, находившаяся в то время в апогее могущества и давно уже точившая зубы на Ассизи, поспешила откликнуться на этот призыв и воспользовалась случаем, чтобы объявить войну ассизцам. Произошло столкновение на равнине, лежащей как раз посредине между двумя городами. Ассизцы были побеждены, и Франциск, находившийся в рядах сражавшихся, был взят в плен вместе с другими своими согражданами.

Плен продолжался целый год, и во все это время Франциск поражал всех товарищей по несчастью своей необыкновенной веселостью. Он не проклинал судьбы и не жаловался, как они, а постоянно строил планы на будущее и охотно делился ими со всеми. Он постоянно мечтал о рыцарских подвигах и похождениях, во вкусе трубадуров, и не раз говаривал при этом: “Вот увидите, я еще буду важным господином (magnum principem), и весь мир мне будет поклоняться”. Этим словам, также как вышеприведенным словам матери Франциска, был придан впоследствии такой же пророческий смысл.

Во время плена Франциск содержался не с простыми воинами, а вместе со знатью, некоторые члены которой также принимали участие в восстании Ассизи. И вот тут Франциску пришлось претерпеть немало разочарований. Эта знатная молодежь, которою он всегда восхищался издали, вблизи оказалась ужасно мелочной и малодушной. Все ее напускное высокомерие, гордость и величие, действовавшие внушительным образом на простых смертных, исчезло в плену. Прожив с ними в тесном общении целый год, Франциск должен был убедиться в их душевной пустоте и тщеславии. Тем не менее он всегда старался утешать их, когда они оплакивали свою участь, и исполнял роль миротворца при ссорах их между собой. И тут он всегда принимал сторону обиженных и всячески стремился прекращать распри между товарищами по плену.

Наконец, между жителями Ассиза и победителями состоялось соглашение, на основании которого пленники были выпущены на свободу, и вместе с ними Франциск вернулся в Ассиз. Ему тогда исполнилось 22 года.

Вернувшись домой, Франциск принялся за прежний образ жизни и даже с еще большею страстностью бросился в вихрь наслаждений, как будто желая наверстать потерянное время. Это был непрерывный ряд всевозможных пиров и оргий, которые в конце концов подорвали силы Франциска, и он опасно заболел.

Долгие месяцы больной находился между жизнью и смертью, и близость последней, впервые испытанная Франциском, была, вероятно, причиной нравственного перелома, совершившегося в нем.

Однако в конце концов молодость восторжествовала над тяжким недугом, и Франциск начал выздоравливать. Но силы восстанавливались очень медленно, поэтому Франциск еще долго оставался как бы *отрезанным от действительной жизни* и мог на свободе предаваться размышлениям.

Размышления эти были невеселого свойства. Франциск как-то не ощущал столь обычного для выздоравливающих радостного чувства возрождения к жизни; веселье, всегда характеризовавшее его, исчезло и заменилось каким-то унынием, более тяжелым, нежели упадок физических сил. Когда в его воображении проносились картины его прошлой жизни, какое-то чувство горечи наполняло его душу. Все ему казалось так пошло, так ничтожно, кругом него была такая пустота! у него не было ни настоящего дела, ни настоящей привязанности, которая бы наполняла его жизнь и делала ее привлекательной. Удовольствия и развлечения потеряли для него свою прелесть; в этом отношении он изведал все, испив чашу наслаждений до дна. И только теперь, пригвожденный к одру болезни, лишенный возможности принимать участие в круговороте жизни, он почувствовал, что душа его не удовлетворена и что он только заглушал ее голос разгулом.

Такое нравственное состояние Франциска продолжалось и после его полного выздоровления, и он, конечно, искал из него выхода. Но где его найти? Религия, в том виде, в каком она практиковалась в окружавшем его обществе, в его семье и среди его друзей и знакомых, не могла доставить ему душевного удовлетворения. Это был грубый фетишизм, только называемый христианством, и чуткая душа Франциска понимала всю фальшь, заключавшуюся в таком исповедании христианской веры, а потому отворачивалась от него. Смутные стремления, овладевшие душой Франциска, однако, были недостаточны, чтобы указать ему новый путь, и потому он естественно вернулся на старый путь, ища забвения в новых подвигах и рыцарских похождениях.

Ему скоро представился случай осуществить свои мечты о славе. Один из ассизских рыцарей, быть может из тех, которые вместе с Франциском пробыли год в перуджийском плену, предложил ему отправиться вместе на юг Италии под начальство Готье де Бриенна, сражавшегося за дело папы Иннокентия III.

В то время Готье пользовался громкой репутацией во всей Италии. Его считали одним из самых благочестивых и храбрых

рыцарей той эпохи, и, естественно, предложение отправиться к нему пришлось очень по вкусу Франциску. Сражаться рядом с таким рыцарем было великой честью, и Франциск был уверен, что он, совершив великие подвиги, покроет себя славой.

С радостью он принялся за приготовления к отъезду и, по обыкновению, не щадил расходов на экипировку; его рыцарский наряд, оружие и т. п. отличались небывалой роскошью, которая совершенно затмила всех его товарищей по оружию и даже самого начальника отряда.

Приготовления Франциска к отъезду, производимые им с таким шумом, безумные траты и роскошь его рыцарской экипировки возбуждали, конечно, много толков и разговоров в городе. Его товарищи завидовали ему, его замашки знатного барина возмущали их, и они дали себе слово отмстить ему при случае. Но Франциск ничего этого не замечал; во-первых, он был поглощен мечтами о славе и уже видел свой дом превращенным в рыцарское жилище, а во-вторых, он не был в душе тщеславен и не думал величаться перед товарищами. Ему нравились блеск и роскошь, они тешили его душу, но он не придавал им значения, точно так же, как не придавал значения деньгам, которые тратил без счета. Однако доброта, составлявшая основную черту его характера, сказалась и тут, и когда он увидел рядом с собой бедного рыцаря, в убогой одежде, то, не задумываясь, отдал ему свой блестящий наряд.

Во время этих приготовлений к Франциску вернулись его прежняя веселость и живость, совсем было исчезнувшие после его болезни. Он опять сделался общительным и приятным собеседником, а когда его спрашивали о причине его радостного возбуждения, он отвечал: “Я знаю, что сделаюсь великим”.

Наконец наступил день отъезда. Веселый и радостный, Франциск сел на лошадь и отправился в путь вместе с маленьким отрядом. Дорога шла по склонам горы Субазио, и маленький отряд должен был остановиться на ночлег в Сполетто. Что тут произошло – на этот счет нельзя найти точных указаний в документах, касающихся жизни Франциска, но достоверно одно, что он в тот же вечер решился вернуться в Ассизи. Весьма возможно, что знатные, завидовавшие ему товарищи, таившие против него злобу в сердце, привели свой замысел в исполнение и отмстили ему за то, что он, сын купца, держал себя с ними как равный, и даже подавлял их своею роскошью и щедростью.

Легенда, конечно, разукрасила по-своему это событие. По рассказам, на пути в Сполетто Франциск услышал в полусне голос, спрашивавший его, куда он направляется? Когда он ответил, опять раздался вопрос: “Кто может сделать для тебя

больше добра, господин или раб?". Франциск отвечал: "Господин". – "Так зачем же ты бросил господина ради раба?" – последовал снова вопрос. Франциск сказал: "Как прикажешь мне поступить, Господи?" – "Возвратись на родину, там тебе будет сказано, что ты должен делать". Проснувшись, Франциск решил немедленно вернуться в Ассизи и ждать, чтобы ему открылась воля Божия.

Так или иначе, Франциск почувствовал все-таки, что все его мечты рушились, и вернулся из Сполетто в Ассизи, где его неожиданное возвращение произвело, конечно, много шума и причинило немалое разочарование его родителям. Франциск был грустен; он как будто также пережил какое-то тяжкое разочарование. Он удвоил свою сострадательность к беднякам, которым всегда и прежде очень щедро раздавал милостыню.

Прежние разгульные товарищи Франциска не замедлили опять окружить его. Они очень обрадовались его возвращению, надеясь на возобновление прежней веселой и разгульной жизни. Франциск обыкновенно покрывал все расходы из своего кошелька, и, конечно, это было выгодно его товарищам. Но хотя Франциск и теперь поступал точно так же, и его кошелек всегда был открыт для друзей, однако во всех устраиваемых ими пиршествах он участвовал лишь как посторонний. На него, среди шумного веселья, все чаще и чаще стали нападать приступы тяжелого раздумья, начало которых надо отнести к его болезни.

Все чаще и чаще стал удаляться Франциск от своих товарищей и целыми днями бродил одиноко в окрестностях города. Вскоре, впрочем, к нему присоединился один из его друзей, не похожий на других и, очевидно, так же, как и Франциск, ощущавший душевную пустоту и пресытившийся земными наслаждениями.

Вероятно, оба приятеля поверяли друг другу свои мысли во время этих уединенных прогулок. Оба пришли к тому убеждению, что ни земные наслаждения, ни слава не стоят того, чтобы человек отдавал им всего себя и всю свою жизнь. Кто был этот друг Франциска – с достоверностью неизвестно, но по некоторым признакам надо думать, что это был тот, который впоследствии сделался преемником Франциска во главе основанного им ордена, брат Илья.

Очень часто Франциск заходил в грот, находившийся в окрестностях Ассизи и скрытый в зелени оливковых деревьев. Там, в уединении, он переживал тоску душевную, горько плакал о своих заблуждениях и пороках, печалился о том, что жизнь его протекает бесцельно, среди бессмысленного разгула, губящего душу и подтачивающего физические силы. Он жаждал высшей

истины, высшей цели, и с тоскою обращал взоры к небу, как будто ожидая оттуда слов утешения и указаний. Его бледное, осунувшееся лицо, впалые глаза, светившиеся лихорадочным блеском, указывали на тяжелую нравственную борьбу, которую он переживал. Друзья замечали в нем перемену и всячески старались вернуть его на прежний путь. Но вскоре им пришлось убедиться, что между ним и ими образовалась пропасть, и они уже перестали понимать друг друга.

Однажды после очень веселой и шумной пирушки, на которой Франциск был провозглашен царем молодежи и ему вручен был почетный жезл, разгульные товарищи Франциска возвращались вместе с ним по улицам города, уже погруженного в сон. Распевая веселые песни, они не заметили, что Франциск отстал от них, когда же они стали его разыскивать, то нашли погруженным в глубокое раздумье. Он стоял неподвижно, держа свой жезл “царя безумцев” в руках и не замечая ничего, что творится вокруг.

– Что это с тобой? – закричали они ему, стараясь пробудить его от раздумья. – “Вы разве не видите, что он замечтался о своей возлюбленной, на которой собирается жениться!” – воскликнул кто-то.

– Вы правы, – отвечал Франциск, пришедший, наконец, в себя. – Я мечтаю о том, чтобы взять себе жену, самую красивую, самую чистую и самую благородную, какую только вы можете вообразить.

В этом ответе сказался тот перелом, который совершился в душе Франциска, и друзья его скоро поняли это. Они убедились, что он уже больше не товарищ им в веселых похождениях, и оставили его в покое. Вскоре им пришлось узнать, о какой невесте, чистой и благородной, говорил Франциск.

В храме, который был выстроен впоследствии в Ассизи в честь Франциска, находятся чудные фрески знаменитого художника Джотто, изображающие сцены из жизни основателя ордена францисканцев. На одной из этих картин изображено символическое обручение Франциска с нищетой в образе красивой женщины с исхудалым лицом и в разорванном платье. На нее лает собака, в нее бросают каменьями, путь ее усеян терниями, но Христос, с высоты небес, благословляет ее брак с Франциском, которому она протягивает руку, – и ангелы кругом ликуют.

Оставив общество друзей, не понимавших ни его душевной тоски, ни совершившейся в нем перемены, Франциск стал еще более искать уединения, и чем более размышлял о своей прежней жизни, тем отвратительнее она ему казалась. Наслаждения и

удовольствия, которым он предавался некогда со всем пылом юности, потеряли для него всякую прелесть. Он увидел мелочность и тщеславие своих бывших друзей, тотчас же отвернувшихся от него, как только он перестал сорить для них деньгами и быть веселым собеседником на пирушках.

Друзья покинули Франциска, но ему остались верными бедняки, к которым он всегда, даже в период самой разгульной жизни, относился с теплым сочувствием и немедленно приходил на помощь. Тоскующей душе Франциска, не находившей нигде успокоения, доставляла невыразимую отраду робкая дружба и привязанность обездоленных и несчастных. Необыкновенная кротость и доброта Франциска привлекали к нему сердца людей, нуждающихся не только в подаянии, но и в сочувствии и добром слове. У Франциска они всегда находили и то, и другое, и он никогда не подавал милостыни с высокомерием, свойственным другим богачам.

Дружба бедняков и робкое их поклонение хотя и радовали Франциска, но в то же время возбуждали в его душе какое-то смутное чувство, и ему все казалось, что он недостоин того восторженного поклонения, которое он встречал в беднейших классах населения Ассизи. Большинство бедняков, известных Франциску, впали в нищету вследствие войн, плохих урожаев и болезней и поэтому нуждались не только в материальной помощи, но и в нравственной поддержке, у Франциска они всегда находили и то, и другое, и не удивительно, что они питали к нему величайшую преданность.

Чуткая душа Франциска начала сознавать все сильнее и сильнее противоречие между окружавшей его роскошью и нищетой, свидетелем которой ему приходилось быть. Прежде Франциск щедро раздавал милостыню, но не задумывался над чужими страданиями. Теперь же он проникался этими страданиями, и роскошь его жизненной обстановки становилась ему все более и более невыносимой. Жить в такой роскоши и подавать нищему от своих избытков казалось ему недостойным человека, проникнутого любовью к ближнему; мало-помалу бедность и нищета окружались особенным ореолом в глазах Франциска и получали заманчивую прелесть, какой уже не имел для него окружающий мир богатства и наслаждений.

Франциск и прежде всегда жаждал подвигов, увлекаясь рыцарскими чувствами. Теперь же, вследствие совершившегося в нем нравственного перелома, рыцарские подвиги не привлекали его более, но стремление отдать себя всего какой-нибудь идее, жажда самопожертвования еще усилились в нем. Мало-помалу спокойствие проникало в его душу. Чудная окружающая природа

оказывала на него свое действие, но он смотрел на нее уже совсем иными, просветленными глазами и находил в ней новый, неизвестный ему до тех пор, источник наслаждений. Он начал ощущать в сердце прилив глубокой нежности и сострадания ко всему живущему, к самому маленькому зверьку, к каждой былинке. Он перестал избегать общества, ему казалось временами, что он готов обнять весь мир и прижать к своему сердцу все страждущее человечество. Он ощущал в себе потребность действия; ему хотелось прокричать всем людям, чтобы они полюбили друг друга, воинам – чтобы они перестали проливать кровь, но он не знал, как поделиться ему с людьми тем беспредельным запасом нежности и любви, который накопился у него в сердце.

Около этого времени Франциск совершил паломничество в Рим. Настроение той эпохи, в которой он жил, конечно, должно было заставить его искать утешения и указаний в религии. Эти указания он нашел в христианском учении, в проповеди Христа, которая и придала осязательную форму его неясным стремлениям и побуждениям. Его путешествие в Рим ознаменовалось важным событием, решившим его дальнейшую судьбу. Много раз, подавая нищим милостыню и утешая их, он терзался вопросом, был ли бы он в состоянии переносить безропотно такую нищету. Тяжесть какой-нибудь ноши можно вполне оценить лишь тогда, когда взвалишь ее себе на плечи, и поэтому Франциск решил испытать на себе, каково быть нищим, ничего не иметь и находиться в зависимости от сострадания, а подчас и от каприза прохожих.

На ступенях базилики св. Петра постоянно толпились нищие в лохмотьях, голодные и бесприютные. Франциск щедро раздал им милостыню, после чего, высыпав все оставшиеся у него деньги в церковную кружку, поменялся с одним нищим одеждой, нарядился в его лохмотья и в течение целого дня простоял на паперти голодный, протягивая руку за подаянием.

Этот поступок доставил Франциску то нравственное удовлетворение, которого так жаждала его душа. Он одержал победу над своей природной гордостью и действительно приблизился к низшей братии, служению которой мечтал посвятить себя.

В таком настроении радостного возбуждения, доставляемого ему поступком, в котором он видел доказательство победы духа над плотью, Франциск отправился в обратный путь. Дороги в Италии и до сих пор еще усеяны маленькими часовенками, призывающими путников к благочестию. Тогда этих часовен было еще больше, и Франциск, не пропустивший ни одной из них, не

раз присутствовал при богослужении в такой часовне, затерявшейся где-нибудь в лесу, иногда совершенно один, слушая слово Евангелия, которое читал дрожащим голосом старичок священник. Слова кроткой проповеди Спасителя должны были особенно действовать в такой обстановке на пылкую душу Франциска, и когда он выходил из часовни на тропинку, душа его трепетала от неизъяснимого блаженства, – ему казалось, он слышит голос: “Следуй за мной!”.

После его болезни и первого приступа душевной тоски, заставившей его оглянуться на свою жизнь, прошло уже около двух лет, и за это время нравственный переворот, совершившийся с Франциском, успел вполне определиться. Мучительная борьба прекратилась, и ему казалось, что он уже ясно видит путь перед собою. Внутренний голос говорил ему, что он должен возненавидеть то, что прежде любил, и полюбить то, к чему до сих пор чувствовал отвращение. Образ Спасителя в терновом венце, призывающего к себе всех страждущих, всех жаждущих успокоения, все чаще и чаще являлся перед его духовными очами.

Чувство сострадания, составлявшее и прежде самую выдающуюся черту в характере Франциска, стало проявляться в нем с еще большей силой. Были люди еще более жалкие, более несчастные, чем нищие, с которыми Франциск желал находиться в братском общении; это были прокаженные, которых в средние века безжалостно исключали из людского общества и изгоняли из опасения заразы, предоставляя их своей собственной судьбе в особо отведенных для их жительства местах. Им бросали милостыню, но бежали от них. Так поступал прежде и Франциск, на которого вид прокаженных наводил такой же ужас, как и на всех. Но, после совершившегося в нем нравственного перелома, он решил победить в себе, во что бы то ни стало, это отвращение и, встретив однажды на дороге прокаженного, устоял против искушения бросить ему милостыню и бежать, а заставил себя сойти с лошади, подошел к пораженному изумлением несчастному, сознававшему, что он для всех служит предметом отвращения, и, оделив его деньгами, поцеловал ему руку с таким почтением, как священнику.

Такой поступок Франциска, конечно, очень знаменателен, как нравственный подвиг и символ самоотречения. Он указывает, как далеко уже зашел Франциск на этом пути. Один из биографов Франциска прибавляет, что через несколько дней после этого случая он отправился в место, где жили прокаженные, и, раздав им милостыню, каждому из них поцеловал руку.

Этот высший акт милосердия должен был доставить Франциску высокое нравственное удовлетворение. Многие, после

разных тяжких испытаний и разочарований, отрекаются от мирских благ и наслаждений и обрекают себя на всяческие лишения. Но это отречение от зла далеко не всегда бывает синонимом любви к добру, по крайней мере – действенной любви. Люди, ушедшие от мира и его соблазнов, чаще всего бывают глухи к страданиям своей греховной братии и взирают на нее с некоторым презрением с высоты своего нравственного превосходства и чистоты. Франциск, однако, благодаря своему особенному душевному складу, всегда чувствовал влечение к тем, кто страдает, кто нуждается в духовной поддержке и утешении, и в его душе аскетизм и самоотречение получали совершенно другой смысл, – он не только не помышлял о том, чтобы уйти от мира, но, порвав сам лично все связи с миром и отрешившись от всяких личных потребностей, все-таки остался жить в мире, стремясь приблизиться к тому высокому идеалу, который представляла для него евангельская проповедь.

Глава II

Состояние церкви XIII века. – Столкновение Франциска с отцом. – Часовня св. Дамиана. – Бегство из родительского дома. – Суд епископа. – Франциск становится свободным. – Его радость. – Франциск выясняет себе свое назначение

Было бы ошибочно рассматривать личность Франциска Ассизского вне той эпохи, в которой он жил и действовал. Его идеализм получает особенное значение именно ввиду материализма, охватившего церковь в то время. Именно тогда, когда он переживал нравственную борьбу и в нем совершался душевный перелом, религиозное положение Италии было таково, что оно не могло не повлиять на его образ мыслей и не толкнуть его на тот путь, на который он готовился вступить.

Испорченность нравов духовенства дошла до такой степени, что никакая серьезная реформа в этом направлении не могла быть произведена. Ереси возникали во множестве, и хотя некоторые из них и проникнуты были высоким духом евангельского учения, но другие поражали своей нелепостью и несообразностью. В то же время распространилось и материалистическое учение, открыто насмехавшееся над церковью и Евангелием. Весьма возможно, что Франциск Ассизский явился тут спасителем католической церкви, которая иначе рушилась бы, подрываемая со всех сторон еретическими учениями и собственной внутренней испорченностью, разлагавшей ее.

В светском духовенстве мздоимство господствовало беспрепятственно, и духовные должности продавались чуть не с публичного торга. Прелат, не бравший взяток, считался каким-то совершенно необычайным явлением. Про членов, римской курии говорили, что они так же глухи, как камень, когда к ним обращаются с просьбами. “Они бесчувственны, как дерево, свирепы, как огонь, непоколебимы, как железо, когда нужно прощать, неприступны и высокомерны, как были и жадны, и ненасытны, как Минотавры”, – говорит один из современников Франциска. Между собой епископы и прелаты постоянно находились в ссоре и заботились только об увеличении своих доходов, прибегая для этого к разным непозволительным средствам.

Вполне естественно, что духовенство, дошедшее до такого нравственного упадка, не внушало к себе никакого уважения и основывало свою власть лишь на суеверном страхе, который оно и старалось поддерживать всеми силами в душах людей. Однако

и этот страх оказывался порой недостаточным, и люди восставали против власти недостойного духовенства. В Рим то и дело являлись монахи с жалобами на население тех округов, где находились монастыри, и с просьбой защиты у папства, причем папству часто приходилось прикрывать своим авторитетом недостойных, чтобы сохранить в неприкосновенности прерогативы церкви.

Суеверие было страшно распространено в народе, весь религиозный культ ограничивался лишь выполнением разных религиозных церемоний и обрядов, ничего не говорящих в большинстве случаев ни уму, ни сердцу и мало-помалу превратившихся в какие-то магические формулы, действующие сами по себе. Раз вступив на такой путь, люди доходили уже до абсурда, и в народе распространялись самые удивительные рассказы о чудесах, сотворенных различными реликвиями, которые получали, таким образом, характер настоящих талисманов, одаренных какой-то таинственной силой. Так, например, известен рассказ о купце из Гронинга, похитившем руку св. Жана Баптиста. Как только он завладел этой реликвией, то разбогател, точно чудом, но когда тайна его сделалась известна и у него отняли руку святого и поместили ее в церковь, – купец тотчас же разорился и стал нищим.

Из этого рассказа видно, что реликвии, по тогдашним воззрениям, действовали, невзирая на нравственные качества своего обладателя и даже иногда помимо его воли, как доказывает, например, следующая легенда, еще более курьезная: в Турени, куда должны были привезти реликвии Мартина Турского, были двое нищих, разбитых параличом, которые благодаря этому недугу добывали много денег. Узнав, что скоро должны прибыть реликвии, они испугались, что Мартин их исцелит, и тогда их доходы уменьшатся. Опасения паралитиков оказались вполне основательными. Они решили было бежать из Турени до прибытия туда реликвий, но так как двигались очень медленно, то не успели перебраться вовремя за границы провинции и получили нежелательное исцеление.

Хроники тех времен переполнены подобного рода повествованиями, указывающими на смятение, господствовавшее в умах даже наиболее образованных людей той эпохи, и это смешение понятий, неумение отличить истину от лжи, так же, как и пороки духовенства, конечно, много способствовали распространению ересей в народе. Список еретических учений XIII века поразительно велик, и при этом замечается следующее любопытное явление: почти все ереси берут начало среди низшего духовенства и народа и не заключают никаких

метафизических тонкостей, а отличаются рационалистическим направлением. Удары, поколебавшие здание римской церкви и угрожавшие даже ее существованию, исходили преимущественно из темной массы рабочих, бедных и угнетенных, чувствовавших в своем унижении и несчастии, что церковь не выполняет своей священной миссии.

Как только возвышался чей-нибудь голос, проповедуя аскетизм и евангельскую простоту, немедленно возле проповедника образовывалась толпа слушателей, в числе которых можно было найти даже представителей духовенства. Еще в XII веке, до появления Франциска, в Италии возникла секта, проповедовавшая евангельскую нищету. То же самое проповедовал и Пьер Вальдо, основатель секты Лионских нищих. Между этим проповедником и Франциском существует очень много аналогий. Свое учение Пьер Вальдо основывал также на одном лишь Евангелии, требуя от своих учеников отречения от всех благ земных и полной нищеты ради служения бедным. Весьма возможно, что Франциск узнал из рассказов отца об этой секте и о тех преследованиях, которым она подвергалась, весьма возможно, что именно последнее обстоятельство заставило его с особенною настойчивостью проповедовать своей братии покорность церкви и папству, опасаясь для своего ордена участи вальденцев.

Все эти попытки евангельской проповеди ясно указывают, что назревала реакция против материализации церкви, и идеи возвращения к первобытному христианству уже носились в воздухе, когда с Франциском совершился душевный переворот, превративший его из разгульного юноши в апостола нищеты.

Все биографы Франциска подтверждают, что в его время в Ассизи религиозное брожение было сильно, и Франциск не мог оставаться чуждым этому движению.

Жизнь Франциска в отцовском доме после его неудачного рыцарского похода делалась все тяжелее и невыносимее. Старик Бернардоне, мелочный и тщеславный человек, не мог простить сыну гибели своих честолюбивых надежд и разочарования. Он постоянно давал ему это чувствовать и отравлял его существование упреками. Когда же Франциск обрел душевный покой, и христианский идеал назрел в его душе, эти упреки перестали на него действовать, но тут явился новый повод к столкновениям с отцом. Бернардоне, нисколько не стеснявший своего сына, когда он тратил деньги на разные безумства и кутежи, возмутился, когда Франциск перестал пировать с товарищами и начал раздавать нищим все получаемые от отца деньги. Увещевания не действовали на Франциска и, чтобы

прекратить его расточительность по отношению к бедным, отец совершенно перестал давать ему деньги. Пропасть между отцом и сыном увеличивалась все более и более, несмотря на все старания кроткой матери, и вскоре они совсем перестали понимать друг друга. Франциск уходил на целые дни из дому и бродил, погруженный в свои мысли, по окрестностям города. Он чувствовал в себе прилив безмерной любви и сострадания к человечеству; в то же время был так одинок, что ему не с кем было поделиться своими мыслями. Франциск пробовал поверять их разным людям, но ясно видел, что его или не понимают, или насмехаются над ним. Он даже попробовал отправиться к епископу и излить ему душу. Но тот, так же как и все, к кому обращался “апостол нищеты” за сочувствием, не понял его и даже усмотрел в его мечтах нечто вредное и противоречащее учению церкви. Не встречая нигде отклика на крик своей измученной души, жаждущей истины и утешения, Франциск все больше и больше уходил в себя и стал искать вдохновения и утешения в обращении к Богу.

Однажды, чувствуя потребность помолиться, он зашел в маленькую часовню св. Дамиана, совсем утонувшую в густой зелени окружавших ее оливковых деревьев и кустов. Величественные кипарисы и сосны скрывали от глаз прохожих маленькую часовню, пришедшую уже в состояние полного разрушения, так как старик священник, живший возле этой часовни, был слишком беден, чтобы ее реставрировать. Но в этой часовне, лишенной всяких украшений, над убогим каменным алтарем, висело превосходно выполненное распятие, замечательное тем, что художник, вопреки господствовавшей рутине, не пустился в детальное воспроизведение страданий Спасителя, действующее на воображение молящихся, а постарался изобразить на лице распятого Христа выражение божественного спокойствия и кротости. Пригвожденный к кресту Христос как будто говорил людям: “Приидите ко мне вси страждущие и обремененные и Аз успокою вы”, – и такое изображение Спасителя, конечно, всего более отвечало душевному настроению Франциска, поэтому-то он часто посещал эту полуразвалившуюся часовню и молился перед ее убогим алтарем. Взывая к Христу, чтобы Он указал ему путь к истине и добру, пролил свет в его душевные потемки, впечатлительный и нервный Франциск не раз, вероятно, впадал в состояние религиозного экстаза, и вот ему показалось однажды, что образ Христа оживляется, и он слышит чудный голос, призывающий его к служению Богу истины. Душа Франциска исполнилась невыразимого блаженства, и он вышел из часовни словно

обновленный.

С этого момента миссия Франциска определилась вполне. Душа его была преисполнена страстного обожания Спасителя, кроткий и любящий образ которого как бы звал его следовать за собою и строго выполнять завет евангельской любви и смирения.

Выйдя из часовни, Франциск отдал все, что у него было, даже свою одежду, священнику и с этой минуты твердо решил уйти из отцовского дома и прежде всего заняться исправлением часовни св. Дамиана, которая стала особенно близка его сердцу после испытанных им здесь чудных минут.

Собственности у Франциска никакой не было, кроме нескольких кусков разноцветного сукна, подаренных ему раньше отцом, и лошади. Франциск связал эти куски, сел на лошадь и отправился в Фолиньо, самый коммерческий город в провинции, где ему не раз случалось бывать во время ярмарки. В Фолиньо он без особых затруднений продал свой товар и даже лошадь и богатую упряжь, и с облегченным сердцем отправился назад в Ассизи. Этим актом он уже окончательно порвал все связи со своим прошлым, и поэтому не вернулся домой, аотправился к часовне св. Дамиана.

Священник был очень недоволен, когда Франциск вручил ему деньги, полученные от продажи лошади и сукна. Он подумал, что между Бернардоне и его сыном произошла небольшая ссора, которая может скоро пройти, а потому не согласился принять деньги от Франциска, который, однако, после такого отказа бросил кошелек в окошечко часовни. Он так молил при этом священника позволить ему остаться у него, что тот не решился настаивать на его возвращении к родителям и склонился на его просьбы.

Между тем в доме Бернардоне заметили исчезновение Франциска. Отец его сам отправился на поиски сына в сопровождении своих родственников и соседей. Франциск, заслышав приближение отца и страшась его гнева, спрятался в пещеру, где пробыл целый месяц, не показываясь никому. Только один из слуг отца, сочувствовавший Франциску, знал об его тайнике и приносил ему туда пищу.

Франциск, однако, понял, что долго скрываться не может и что в конце концов ему все-таки нужно будет выйти из своего убежища. Притом не годилось ему, служителю Христа, бояться ни людского гнева, ни насмешек и вследствие этого воздерживаться от вступления на избранный им путь служения Богу. Эта мысль заставила его выйти из пещеры и явиться к отцу. Месяц, проведенный в пещере в одиночестве, не прошел для него бесследно. Одежда его пришла в ветхость, он имел измученный,

изнуренный вид, так что, когда он показался на улицах Ассизи, его никто не узнал и все его приняли за помешанного. Толпа уличных мальчишек устремилась за ним с криками: “Сумасшедший! Сумасшедший!”. Заслышав крики, люди бросались к окнам, чтобы посмотреть, что делается на улице. Так поступил и Бернардоне, и его гнев не знал границ, когда он вдруг признал в оборванном безумце, которого преследовала насмешками и гиканьем толпа, – своего сына Франциска!

Бернардоне бросился на него и в гневном ослеплении чуть не задушил. Он втащил его в дом, жестоко избил и, крепко связав, еле живого запер в полутемном чулане.

Однако ни побои, ни угрозы, ничто не действовало на Франциска и не могло поколебать его решимости. Он страдал, но постоянно думал о том, что Спаситель пострадал еще больше. Спустя несколько дней после возвращения Франциска, мать его, сердце которой обливалось кровью при виде мучений сына, попробовала подействовать на него кроткими убеждениями, но видя, что и это тщетно, выпустила его на свободу, так как ей уже невмоготу было видеть его истязания.

Как только Франциск получил свободу, он немедленно отправился в часовню св. Дамиана. Отец страшно рассердился, не найдя его по возвращении, и даже побил жену за то, что она выпустила сына. Но так как он никак не мог примириться с мыслью, что сын его сделался посмешищем всего города, то ему пришло в голову попытаться изгнать сына из Ассизи. С этой целью Бернардоне отправился в часовню. На этот раз Франциск не спрятался при его приближении, а кротко выслушал его ругань и затем объявил ему с твердостью, что никакая сила в мире не в состоянии поколебать его решения, и что так как он стал служителем Христа, то не обязан более повиноваться ничьим приказаниям.

Бернардоне стал упрекать сына в том, что он стоил ему огромных денег. Тогда Франциск указал ему на наполненный монетами кошелек, брошенный им за решетку окна в часовне, когда священник отказался взять деньги, вырученные от продажи товаров в Фолиньо.

Бернардоне взял кошелек и удалился, но все-таки не оставил в покое сына и пожаловался на него в суд. Консулы Ассизи, приняв жалобу Бернардоне, послали за Франциском, но тот отказался явиться в суд, объявив, что, как служитель Господа, он считает себя неподсудным консулам и не подчиняется их юрисдикции. Консулы, по-видимому, были довольны, что Франциск избавлял их от необходимости высказывать свое решение в столь щекотливом деле, и рекомендовали его отцу

обратиться к епископу, что тот и сделал.

На суд епископа Франциск явился с радостью, так как ему представлялась возможность публично засвидетельствовать свою преданность Христу и твердую решимость исполнять Его завет людям. В Ассизи распря Бернардоне с сыном наделала много шума, и в городе только и было толков, что о ней; поэтому неудивительно, что в день, назначенный для суда, все жители устремились толпою на площадь Санта-Мария Маджиоре, где епископ творил свой суд. Во мнении жителей Ассизи Франциск, конечно, был безумцем, но так как его отца никто не любил за гордость, высокомерие и жадность, то симпатии больше склонялись на сторону сына, и все заранее радовались предстоящему унижению Бернардоне.

Епископ изложил громогласно сущность дела, заявив, что Бернардоне желает лишить своего сына наследства, и предложил этому последнему добровольно отречься от всех прав на имущество его отца. Все с напряжением ожидали, что ответит Франциск, но тот молча удалился в одну из комнат епископского дворца и затем вышел оттуда совершенно голый, держа в руках свою одежду и кошелек с деньгами, которые еще оставались у него.

– Слушайте все, – сказал он. – До сих пор я называл Петра Бернардоне своим отцом, но с этого момента я хочу служить только Богу. Вот почему я отдаю своему отцу деньги, из-за которых он столько мучается, свою одежду и все, что от него имею, и отныне буду говорить только: “Отче наш, иже еси на небеси”.

Изумленная толпа внимала Франциску, пораженная его видом и его словами. Нагота его не возмущала чувства стыдливости людей: в XIII веке на этот счет существовали совершенно иные понятия, нежели теперь. Напротив, Франциск сразу вырос в глазах впечатлительной итальянской толпы, и ропот негодования встретил Бернардоне, который, нисколько не смущаясь, свернул одежду Франциска и унес вместе с его тощим кошельком, в то время как епископ прикрыл своим плащом его сына, побледневшего и дрожавшего от холода.

Франциск был счастлив; он завоевал себе свободу и чувствовал, что приобрел много сторонников среди людей, готовившихся осмеять его. Он победил их своей искренностью, наивной верой и горячим стремлением – не отделять слова от дела.

Когда это случилось, Франциску было только еще 25 лет. Молодость брала свое, и ему хотелось излить свою радость в песнях и поведать всему миру о том величайшем счастье, которое

выпало ему на долю. Это счастье называлось свободой. Франциск чувствовал себя свободным, как птицы небесные, и хотел, подобно им, воспевать хвалу Господу. Он не мог успокоиться и в состоянии радостного возбуждения долго бродил по пустынным тропинкам, извивающимся по склонам горы Субазио, наполняя лес звуками своих песен.

Природа как бы отвечала его внутреннему настроению. Была весна и всюду чувствовалось ее веяние. Кое-где в ущельях еще лежал снег, но кругом уже все зеленело, и горячие лучи мартовского солнца пробуждали к новой жизни природу после зимнего сна. Птицы весело чирикали, как бы вторя пению Франциска, и ему казалось, что вся природа вместе с ним славословит Творца.

Франциск шел, распевая песни трубадуров, взывающие к подвигам. Он не чувствовал прохлады, хотя на нем был только старый плащ, данный ему садовником епископа, и рубашка из грубого холста. Пением он привлек внимание разбойников, прятавшихся в лесу. Они его остановили и спросили: “Кто ты?”

– Я герольд великого царя, – отвечал он им.

– А когда так, так вот твое место, нищий герольд! – воскликнули разбойники и, стащив с него плащ, бросили его в яму, в которой еще было много снега.

Франциск подождал, пока они удалились, и тогда выкарабкался из ямы с большими усилиями, совершенно окоченев от холода. Но его радостное настроение не только не прошло, а даже усилилось от того, что ему пришлось пострадать. Он решил, что ему надо приучить себя переносить холод и голод, и всяческие гонения. Это ли переносил Христос, его Божественный идеал!

Неподалеку от того места, где Франциску пришлось взять снежную ванну, находился монастырь. Франциск постучался в ворота и попросил пристанища. Уединенное положение монастыря заставляло монахов быть особенно недоверчивыми, а потому, хотя Франциска впустили, но, позволив ему переночевать, не дали ему ни поесть, ни прикрыться от холода.

Из монастыря Франциск отправился в Губбио, где у него был друг, приютивший его и снабдивший плащом. Через несколько дней Франциск пустился в обратный путь, но прежде чем вернуться к своей любимой часовне, он посетил обитель прокаженных, где уже был однажды, после своего возвращения из паломничества в Рим. Но тогда он явился с полным кошельком и щедро раздавал милостыню. Теперь же он сам был нищим и мог только предложить несчастным сострадание и участие, переполнявшее его сердце. Поселившись среди прокаженных, он

ухаживал за ними с величайшим самоотвержением, обмывал и перевязывал их язвы, и тем с большей радостью, чем они были ужаснее и отвратительнее. Он был всегда весел, и слова его действовали, как успокоительный бальзам на душу страдающих людей. Между этими несчастными и Франциском образовалась связь самой чистой любви, основанной на самопожертвовании. Франциск чувствовал, что он внес луч света в их мрачное существование и своим участием скрасил их отчужденность и одиночество.

Вернувшись в часовню, Франциск сам себе смастерил грубую одежду пустынника и затем занялся осуществлением своего плана реставрации часовни. С этой целью он отправлялся на дорогу или на городскую площадь и, пропев несколько священных гимнов, объявлял собравшимся людям о своем желании возобновить часовню св. Дамиана. – “Каждый, кто принесет мне камень, получит награду”, – говорил он.

Многие считали его безумцем, но были и такие, которые, вспоминая его поступок на суде епископа, чувствовали себя растроганными до глубины души. Но Франциска не смущали насмешки людей, и он, не стесняясь, уносил на своих плечах, не подготовленных к такой работе, камни, которые доставляли ему люди по его просьбе.

Старик священник часовни св. Дамиана так был тронут поведением Франциска (хотя вначале и старался всячески избавиться от такого товарища), что привязался к нему самым искренним образом и заботился о нем, как о родном сыне. Пока Франциск ходил собирать камни для исправления часовни, старичок священник хлопотал о том, чтобы приготовить ему какое-нибудь любимое кушанье, – Франциск скоро заметил это и тогда же решил, чтобы избавить от лишних хлопот старика, ходить из дома в дом и просить подаяния. Ему давали остатки пищи, корки хлеба и т.п. В первый раз Франциску очень трудно было принудить себя питаться этим; эти остатки возбуждали в нем отвращение. Но Франциск победил это чувство, как и многие другие, и вынудил себя без отвращения питаться объедками, собираемыми подаянием.

Он подвергнул себя еще одному искусу. Однажды он собирал по улицам города милостыню на покупку масла для лампады св. Дамиана и во время своих странствований подошел к дому, где происходило какое-то пиршество. Франциск увидел, что это пировали его бывшие товарищи. Узнав знакомые голоса, распевавшие веселые песни, Франциск остановился в нерешительности. Ему трудно было войти в залу и предстать перед знакомыми ему людьми. Но он колебался только одну

минуту, ему стало стыдно своей нерешительности, и он заставил себя войти. Повинившись перед бывшими товарищами в испытанном им чувстве ложного стыда, Франциск с такой горячностью стал убеждать их помочь ему в его благочестивом деле, что они не остались глухи к его мольбе и развязали свои кошельки.

Но больше всего Франциска тяготило отношение к нему отца, который никак не мог ему простить его поступка. Гордость старика Бернардоне страдала от того, что сын его сделался нищим, и он, при встрече с сыном, постоянно осыпал его упреками и бранью. Чувствительная душа Франциска очень страдала от этого, и чтобы хоть несколько успокоить себя, так как отцовские проклятия огорчали его, Франциск выбрал одного старого нищего и сказал ему:

– Пойдем со мною! Ты заменишь мне отца, и я буду отдавать тебе часть милостыни, которую получаю. Когда ты услышишь, что Бернардоне бранит и проклинает меня, – приди и благослови меня вместо отца.

Его младший брат, Анджело, был также в числе людей, особенно преследовавших его своими насмешками. Однажды они встретились в церкви. Было холодно, и Франциск дрожал в легком одеянии. Анджело заметил его и громко сказал приятелю, с которым вместе пришел в церковь: “Поди-ка к Франциску и попроси у него, чтобы он продал тебе несколько капель пота за один лиард”. – Франциск услышал это и кротко сказал: “О, нет! Я его дороже продам моему Господу”.

Весной 1208 года Франциск кончил исправление часовни св. Дамиана. Он работал не один; нашлось много людей, пожелавших помогать ему, и работа подвигалась быстро. Франциск воодушевлял всех своим примером и веселостью, которая действовала заразительно на работающих. Он распевал священные песни и с таким энтузиазмом говорил о своих планах, о том, как много людей будет стекаться впоследствии в его дорогую часовню, которую он с такой любовью строил, что его горячность сообщалась всем остальным, и между ним и его помощниками возникала тесная духовная связь.

Покончив с часовней св. Дамиана, Франциск решил заняться исправлением других, приходящих в разрушение святилищ. В числе этих реставрированных им церквей находилась также церковь св. Петра и Марии Порциункулы, которая стала впоследствии настоящей колыбелью францисканского движения. Но когда Франциск приступал к ее исправлению, то у него и в помышлениях не было сделаться основателем какого-нибудь религиозного ордена; это случилось само собой. Для него жить –

значило действовать; поэтому он не мог остановиться на полпути; он жаждал сделать как можно больше и уже на этом основании не мог удовлетвориться жизнью отшельника-монаха, эгоистически заботящегося только о спасении своей души.

Так Франциск провел два года, занимаясь исправлением церквей и живя в шалаше. Он не пробовал проповедовать и вообще пока не совсем еще выяснил себе свое призвание. Но однажды, слушая чтение Евангелия в отстроенной им церкви, Франциск вдруг как-то особенно проникся словами Спасителя: “Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы своя, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха”, – и сердце его преисполнилось радостью. Вот оно, его настоящее призвание, вот то, чего он жаждет всеми силами своей души! Идея подражания Христу, до сих пор имевшая отвлеченный характер, облеклась в осязательную форму, и Франциск понял, в чем должно состоять это подражание. Он будет следовать Христу и разносить Его слово в мире; монах превратится в странствующего проповедника и распространит евангельское учение по всей земле. В этом будет отныне состоять его назначение и цель.

Таким образом Франциск указал на новую задачу монахам и изменил характер средневекового монашества. Он не удалился от людей, а еще более приблизился к ним и, увлекши многих своим примером, сделался основателем новой и своеобразной религиозной общины.

Глава III

Франциск делается проповедником учения Христа. – Первые годы апостольского служения. – Его проповедь. – Он приобретает учеников. – Неудовольствие духовенства и граждан. – Образование религиозной общины

Франциск нашел свое призвание – и с этой минуты жизненный путь стал для него ясен. Добровольная нищета, смирение и любовь ко всему миру – вот что сделалось его девизом. Он отправился в Ассизи и начал свою проповедь, встречая всех словами: “да дарует Господь вам мир!” Убежденный, проникновенный тон, которым Франциск говорил народу простые евангельские истины, действовал на слушателей. Когда он появлялся на улицах Ассизи, его немедленно окружали, и чем дальше, тем реже раздавались насмешки, и тем более он овладевал душой своих слушателей, сообщая им тот энтузиазм, который его охватывал. Он проповедовал людям те самые высокие и простые истины, которым некогда внимало человечество под звездным небом Палестины; он восстановил первоначальное евангельское учение любви и сострадания во всей его первобытной чистоте, и Христос в его проповеди являлся людям не строгим, неумолимым судьей, каким Он представлялся грешникам, как в учении церкви, так и во всевозможных еретических учениях, – а утешителем, к которому должны прибегать все “страждущие и обремененные”. В его проповеди путь спасения лишился своей трудности и тернистости, сделался проще и доступнее, причем обрядность потеряла первостепенное значение.

Успех проповеди Франциска именно и зависел от того, что он заговорил с людьми простым, понятным для них языком. Он не подавлял их сознанием греховности, не пугал угрозой наказания, а скорбел об их страданиях и заблуждениях, и его кроткая речь проникала в душу каждого, облегчая страдания измученной совести средневекового человека, вечно подавленного страхом наказания за свои прегрешения вместе с тяжелыми условиями жизни и видящего над собой только неумолимого судью и карателя. Франциск старался примирить людей *с* жизнью, исцелить их душевные раны и заставить их снова поверить в милосердие Божие.

Прошло уже более двух лет с тех пор, как Франциск оставил родительский дом, и мало-помалу отношение жителей Ассизи к нему изменилось. Удивление и восхищение заменили прежние насмешки и презрение. Твердость и глубина веры Франциска

внушали невольное уважение людям. Многие, начинавшие его слушать с улыбкой, мало-помалу чувствовали, как душу их охватывает какое-то особенное сладостное чувство и слезы умиления выступают на глазах.

Вскоре нашлись и подражатели. Первым последователем Франциска был один из жителей Ассизи, всем сердцем привязавшийся к нему и всюду за ним следовавший. Когда он явился к Франциску, у того впервые возникла мысль, что он мог бы найти себе товарищей, которые помогли бы ему выполнить его апостольскую миссию и разнесли бы евангельское слово по окрестностям Ассизи.

Спустя некоторое время после этого, Франциск приобрел еще нового товарища. Это был зажиточный гражданин Ассизи, Бернард Квинтавалле, у которого Франциск часто останавливался. Однажды Бернард явился к Франциску и попросил его прийти к нему провести ночь. Франциск, предчувствуя, что Бернард хочет сообщить ему нечто очень важное, отправился к нему. Ожидания его оправдались, и радость его была очень велика, когда Бернард сообщил ему о своем намерении раздать все имущество бедным и присоединиться к нему. Франциск спросил его, достаточно ли он твердо решился на это, и когда Бернард сказал ему, что проникся страстным желанием идти по стопам Спасителя – Франциск согласился взять его с собою.

На другой же день Бернард приступил к раздаче имущества. Франциск помогал ему. Около дома Бернарда собралась целая толпа народа; всех интересовало это непривычное зрелище. Насколько изменились уже воззрения толпы *в этом направлении* благодаря влиянию Франциска, сказалось именно в ее отношениях к поступку Бернарда. Поступок его не возбуждал уже более насмешек и презрения, а скорее какое-то смешанное чувство благоговейного восторга и удивления. В то время как Франциск раздавал пригоршнями деньги Бернарда, к нему подошел, расталкивая толпу, священник Сильвестр, продавший некогда Франциску камень для исправления часовни св. Дамиана. Узнав, что Франциск раздает деньги, Сильвестр захотел также воспользоваться и сказал Франциску:

– Брат, ты мне ведь очень мало заплатил за камень, который у меня купил.

Франциск не мог, конечно, не возмутиться до глубины души таким проявлением жадности у священника. Захватив большую горсть монет, он протянул ее священнику и сказал:

– Вот тебе, бери. Доволен ли ты теперь?

– Совершенно! – отвечал священник, несколько

сконфуженный громким ропотом негодующей толпы, сознавшей в эту минуту великую разницу, существовавшую между добровольным служителем Христа Франциском и официальным служителем церкви: симпатии толпы оказались, конечно, не на стороне тонзурно-официального пастыря.

Покончив с раздачей, Бернард вместе с Франциском вышли из города. К ним присоединился еще третий обращенный, Петр. Бернард и Петр смастерили себе одежду наподобие одежды Франциска и сняли обувь. Для ночлега они устроили шалаш из ветвей. Не прошло и недели, как их маленькая община увеличилась еще одним членом, известным под именем брата Эгидия.

Первые францисканцы вели жизнь нищих, с которыми они охотно смешивались. Когда число учеников Франциска достигло семи, он обратился к ним со словами: “Идите и проповедуйте слово Божие. Ухаживайте за ранеными, утешайте пораженных горем и возвращайте на путь истины заблуждающихся. Заботу свою возложите на Господа, он будет питать вас”.

Братья разошлись в разные стороны. Слух о том, что в Ассизи находятся люди, которые отказались от земных благ, роздали свое имущество бедным и отправились проповедовать покаяние и мир, проник уже в разные города Италии. Как ни странно казалось сначала появление этих проповедников в образе нищих, босых и одетых в грубые хитоны, но народ скоро привык к ним и полюбил их, так как они говорили с ним понятным для него языком и искренно и чистосердечно верили сами в то, что говорили. Скоро эти “меньшие братья” (fratres minores) сделались очень популярными в Италии. Некоторые их считали безумцами, но другие ими восхищались, видя в них совершенную противоположность алчным монахам, составлявшим язву христианства.

В деревнях они встречали лучший прием, нежели в городах. Городское население оказалось более зачерствелым, и трудно было проникнуть ему в душу. Более пылкие из францисканцев уже начинали скорбеть о том, что обращение заблудших на истинный путь совершается слишком медленно. Франциск ободрял их, делясь с ними своими надеждами и видениями. “Я видел, – рассказывал он, – что толпы народа, со всех сторон, стекаются к нам и просят, чтобы мы разрешили им надеть нашу святую одежду. Шум их шагов до сих пор еще раздается в моих ушах. Я видел, что они идут отовсюду и заполняют собою дороги”.

Проповедь Франциска и его братьев, конечно, не нравилась официальному духовенству, так как оно не могло не видеть, что

простой народ охотнее слушает Франциска и замечает разницу, существующую между выполнением евангельского завета “братьями” Франциска и официальным духовенством, живущим в роскоши и огребающим деньги пригоршнями. На стороне духовенства были также некоторые из зажиточных горожан, так как францисканцы им кололи глаза своим полным презрением к благам мира. Поэтому, если случайно францисканец заходил к ним, прося подаяния, то ему не только не давали ничего, но встречали упреками, что он разбросал свое имущество и теперь желает жить за счет других. Однажды епископ ассизский, встретив Франциска, сказал ему:

– Мне кажется, жить так, как вы, ничего не имея, очень тяжело.

– Монсиньор, – отвечал ему Франциск, – если бы у нас было имущество, то нам нужно было бы иметь оружие, чтобы охранять его, так как именно в этом-то и заключается источник всяких споров и процессов, и обыкновенно любовь к Богу и ближнему терпит от этого немалый ущерб. Вот почему мы и не желаем обладать никаким светским имуществом.

Епископ не нашелся, что ответить, да ему как служителю Бога и не приличествовало оспаривать такие взгляды, но в душе он пожалел, вероятно, что в самом начале не оказал более энергичной оппозиции францисканскому движению. Единственный совет, который он, однако, счел нужным дать Франциску, это – вступить в один из существующих монашеских орденов и, так сказать, оформить свое служение Богу. Но Франциск совершенно иначе рисовал себе монашеский идеал, и жизнь в монастыре не представляла для него ничего привлекательного. Он был миссионером по призванию, душа его жаждала подвигов веры, но он вовсе не помышлял о занятии какого бы то ни было места в духовной иерархии. Однако он не мог не сознавать, что ему и его братии угрожают серьезные столкновения с духовенством, которое смотрело на них недоброжелательно. Это тревожило Франциска, так как он не мог не заметить, что именно враги духовенства превозносили до небес его, вместе с товарищами, противопоставляя их евангельскую нищету богатству и жадности монастырей и духовенства. Кроме того, Франциск восстановил против себя семьи многих зажиточных граждан. Многие из богатых людей, увлеченные примером и проповедью Франциска, стали раздавать свое имущество бедным, и это, конечно, очень не нравилось тем, кто рассчитывал на их наследство. Одним словом, с разных сторон угрожали Франциску нападки, и хотя это очень огорчало его, но тем не менее он твердо решил идти по намеченному пути

и невзирая ни на что проповедовать Евангелие народу.

Но чем с большим недоверием смотрело на Франциска духовенство и чем с большей ненавистью относились к нему богатые граждане, опасаясь, что его проповедь причинит им материальный ущерб, тем с большей любовью и доверием прибегал к нему простой народ, угнетенные и обездоленные, стекавшиеся к нему за утешением и духовным подкреплением. Франциск видел, что его дело разрастается, но все же долго не помышлял об основании нового ордена и не думал вырабатывать какой-нибудь новый устав. Все это пришло само собой впоследствии, но вначале Франциск только мечтал об основании свободного братства.

Братья, посланные Франциском поучать людей Евангелию, разошлись по разным городам. Во многих местах им был оказан далеко не дружелюбный прием, особенно там, куда еще не проникли слухи о событиях в Ассизи, и люди не знали, с кем имеют дело, принимая францисканцев либо за негодяев, либо за сумасшедших. Часто они подвергались оскорблениям, но их неизменная кротость и доброта, самоотвержение и полное презрение к деньгам, всегда, в конце концов, одерживали победу над сердцами людей, и гонители их зачастую обращались в их приверженцев. В лице этих смиренных нищих, разносивших по разным уголкам Италии евангельские заветы, восторжествовал принцип безусловного отречения от власти и собственности, проводимый ими в жизнь с величайшей последовательностью и бессознательно противопоставленный римской церкви, основывавшей все свое могущество именно на власти и собственности.

Глава IV

Франциск и папа Иннокентий III. – Столкновение двух противоположных мировоззрений. – Недоверие папы и кардиналов. – Притча Франциска. – Франциск и его товарищи получают тонзуру

Маленькая религиозная община, основанная Франциском, так быстро стала разрастаться, что он понял необходимость выработать для своего братства какие-нибудь правила, устав, в основу которого должна быть поставлена Нагорная проповедь Христа. Но основатель общины вовсе не хотел вступать в борьбу с римской церковью и не желал, чтобы его учение, основанное только на Евангелии, разделило участь всех “ересей”. Проповедуя кротость, смирение и непротивление злу, Франциск никогда не позволял себе осуждать церковь. Он не думал о ее преобразовании и не объявлял войны ее учреждениям, но хотел воздействовать на нее примером и кроткой проповедью. Он мечтал только о том, чтобы возродить христианство и тем спасти христианскую общину, подкапываемую со всех сторон еретическими учениями, от угрожающей ей гибели. Франциск надеялся, что, пробудив в людях христианский дух, он увлечет и церковь на путь усовершенствования.

Но, чтобы достигнуть этой великой цели, надо было оформить, узаконить положение своей религиозной общины; надо было лишить курию, могущество которой Франциск хорошо сознавал, возможности вредить развитию общины, препятствовать свободной проповеди и, самое главное, надо было избежать зачисления этой последней в разряд ересей, так как это вызвало бы осложнения, которые могли лишить францисканскую общину ее первоначального характера и, быть может, вынудили бы ее к активной борьбе, что, разумеется, претило кроткой и чистой душе Франциска.

Подобного рода соображения заставили Франциска решиться на путешествие в Рим и обращение к папе за утверждением устава своей общины.

Это было в 1209 году. В то время на папском престоле восседал Иннокентий III, один из могущественнейших пап, идеалом которого была всемирная теократия. Время его управления было действительно временем беспримерного могущества и величия папства, несмотря на настроение умов в Европе, поощрявшее развитие всевозможных ересей, и несмотря на все мятежи черни и происки феодалов, едва не сгубившие папский престол. Но язва, разъедавшая римскую церковь и

подвергавшая опасности ее существование, таилась глубоко внутри; снаружи же власть церкви, после перенесенных ею бурь, еще как будто усилилась. Не довольствуясь титулом викария апостола Петра, Иннокентий III назвал себя наместником Христа, причем ввел в каноническое право учение о превосходстве папской власти над светской властью государей и о праве папы вмешиваться в их дела. Борьба Иннокентия III с Иоанном Безземельным, ознаменовавшаяся полной победой первого, еще более усилила престиж папы; приняв же на себя роль защитника независимости Италии против притязаний императоров и своеволия феодальных владетелей, Иннокентий III утвердил окончательно свою власть над Италией. Восседая на папском престоле как самый могущественнейший властитель, папа требовал безусловного повиновения своим велениям как от народа, так и от государей Европы. Он беспощадно наказывал виновных в неповиновении, огнем и мечом истребляя еретиков и посылая на смерть тысячи людей под знаменем креста ради торжества церкви. В этом стремлении к беспредельной власти над человеком, конечно, должна была видоизмениться и забыться первоначальная миссия церкви, основывавшей теперь свою силу только на политическом могуществе.

Всего этого не мог не сознавать Франциск, когда обратился к своим товарищам со словами: “Пойдем теперь к матери нашей, римской церкви, и расскажем Святому отцу, что Господь совершил через нас. Пусть наше дело продолжается согласно папской воле”.

Предстоящее свидание с папой сильно тревожило Франциска. Постоянно думая об этом, он видел разные сновидения, которым придано было потом вещее значение как им самим, так и его товарищами. Так, в одном из жизнеописаний Франциска рассказывается, что ему представилось во сне большое, высокое дерево, красотою которого он залюбовался. Когда же он подошел к дереву, верхушка его склонилась, и Франциск легко достал ее рукой. По толкованию его товарищей, дерево это означало папу Иннокентия III, являющегося прообразом величия, синонимом могущества и власти на земле. И это земное величие преклонилось перед небесным величием апостола нищеты.

Встреча Франциска с Иннокентием III, а в лице их – двух противоположных мировоззрений, хотя и исходящих из одного корня, внушила знаменитому художнику Джотто, другу Данте, одну из его лучших картин, на которой изображена величественная фигура папы, восседающего на троне, когда к нему является смиренный нищий, Франциск Ассизский. Папа как будто делает резкое движение, чтобы нагнуться к Франциску,

пораженный его видом и словами. Он морщит брови, потому что не понимает представителя противоположного мировоззрения, но чувствует в этом невзрачном, убогом нищем присутствие великой странной силы, которая, помимо его воли, заставляет его преклониться. Трудно выразить лучше контраст, существовавший между строем христианской церкви и той проповедью, которая легла в ее основу, между стремлением к безграничной власти над человеком и принципом беспредельной любви к человеку, который олицетворял собою Франциск.

Как и следовало ожидать, Франциск не без затруднений достиг своей цели в Риме. Один английский летописец описывает следующим образом свидание Франциска с Иннокентием III: “Папа первым делом обратил внимание на внешний вид Франциска, его убогую одежду, смиренную наружность, длинную бороду и нечесаные волосы, и сказал ему: “Ступай, брат мой, поищи свиней, с которыми у тебя, кажется, более общего, чем с людьми. Поваляйся с ними в грязи и поупражняйся на них в искусстве проповедывать”. Франциск вышел от папы, покорно склонив голову, и буквально исполнил все, что ему было приказано. После того, весь вымазанный грязью, он снова явился к папе и сказал ему: “Я исполнил твое приказание, выслушай же и ты мою просьбу”. Такое изумительное смирение поразило и тронуло папу, и он исполнил все, о чем просил Франциск”.

Произошел ли действительно такой факт – судить трудно. В жизнеописаниях Франциска он не упоминается, но уже то, что могла возникнуть такая историческая легенда, указывает, что Франциск не сразу восторжествовал над всеми препятствиями, и что аскетические идеи все-таки не потеряли своего обаяния для римской теократии, хотя и поглощенной заботами о земном величии. Во всяком случае удивление папы и его кардиналов было довольно велико, когда к ним явились странники, простосердечно изложившие свои мечты о восстановлении Евангелия на земле и смиренно просившие о разрешении проповедовать евангельские истины простому люду, просить милостыню для голодных, ухаживать за больными и утешать умирающих. Эти странники, не владевшие никакой собственностью и не стремившиеся к власти, но мечтавшие покорить себе мир словом Евангелия, естественным образом должны были возбудить недоверие служителей церкви, к числу качеств которой далеко не принадлежало бескорыстие.

Между тем то, о чем просил Франциск, было необыкновенно просто. Он не выпрашивал для себя у папского престола ровно никаких прерогатив или привилегий, а просил лишь, чтобы папа санкционировал своим разрешением его инициативу вести жизнь

согласно завету Христа. Поэтому-то и устав, составленный Франциском и предъявленный папе, был лишь повторением этого завета, и Франциск не внес в него ничего своего. Но тем более папе казались неисполнимыми обеты абсолютной нищеты и самоотвержения, поставленные Франциском во главе его устава.

Франциску пришлось вынести целый перекрестный допрос в Риме. Кардиналы никак не могли поверить его искренности, и за ним и его товарищами учрежден был бдительный надзор. В Риме Франциск случайно встретил епископа Ассизи Гвидо, который, приняв “апостола нищеты” под свое покровительство, представил его одному из кардиналов. Но хотя Гвидо, по-видимому, имел основания верить искренности Франциска и выказывал ему почтение, тем не менее он все-таки уговаривал его отказаться от своих невыполнимых планов и посвятить себя служению Богу в одном из существующих монастырей. Такие же отеческие советы давал Франциску кардинал, наружно выказывавший ему самое глубокое почтение и даже поручивший себя его молитвам.

Бедный Франциск, не получивший богословского образования и не понимавший схоластических тонкостей, отвечал, как мог, на искусные вопросы и доводы римского прелата. Как ни старался прелат убедить Франциска избрать более легкий путь к спасению, Франциск стоял на своем, иначе понимая идею служения Богу. В конце концов его искренность убедила прелата, который, присмотревшись к нему, уверился, что от такого человека нельзя ждать неповиновения римской церкви, и, быть может, даже у прелата явилась мысль, что церкви не худо, пожалуй, иметь Франциска своим союзником. Как бы там ни было, но прелат согласился ходатайствовать за Франциска перед папой. По сказаниям “Трех товарищей”, написавших жизнь Франциска и его учеников, прелат этот сказал будто бы папе: “Я встретил человека, в высшей степени совершенного, стремящегося жить согласно св. Евангелию и во всем соблюдать евангельское совершенство. Мне думается, что через него Господь желает реформировать церковь в целом мире”.

Кардинал, согласно обещанию, представил Франциска и его товарищей Иннокентию III, который уже знал о них достаточно из рассказов прелата, постаравшегося расположить папу в пользу Франциска. Папа принял очень милостиво Франциска и его товарищей и сказал им: “Дети мои, жизнь ваша мне кажется слишком суровой; я верю в вашу искренность и рвение, но должен подумать и о тех, кого вы увлечете за собою, так как избранный вами путь может показаться им слишком тяжелым”.

Прибавив еще несколько ласковых слов, папа отпустил их, не дав никакого положительного ответа. Он обещал поговорить с

кардиналами и посоветовал Франциску обратиться в молитве к Господу, чтобы Он открыл ему, согласны ли его стремления с промыслом Божиим.

Проходили дни, и, однако, никакого решения не последовало. Все эти проволочки беспокоили Франциска. Он никак не мог совместить наружные выражения сочувствия его идее, высказываемые кардиналами и папой, одобрение его в принципе – и нежелание дать ему законное право провести в жизнь эту идею и осуществить евангельское совершенство. Франциск решительно не знал, какие еще доказательства привести ему в свою пользу, чтобы взять верх над колебаниями служителей церкви. Тогда ему пришло на ум прибегнуть к следующей притче, которую он и передал папе:

“В пустыне жила женщина, бедная и красивая. Прельстившись ее красотой, один великий царь пожелал иметь ее своей женой. Много родилось у нее сыновей, и когда все они выросли, она сказала им: “Дети мои, ничего не страшитесь, ибо вы царские сыновья; идите же ко двору отца вашего, и он снабдит вас всем необходимым”. Когда они пришли ко двору, царь восхитился их красотой и, заметив их сходство с собою, – спросил их: “Чьи вы дети?”. Они ответили, что мать их – бедная женщина, живущая в пустыне. Тогда царь обнял их с великой радостью и сказал им: “Не бойтесь, ибо вы мои дети, и если за столом моим есть место для чужих, то тем более должно найтись место для моих законных сыновей”. И царь послал сказать женщине, чтобы она всех родившихся у нее сыновей прислала ко двору”.

– Если Господь дарует грешникам мирские блага для их пропитания, – прибавил Франциск, – то тем более Он не оставит тех, кто хочет жить по Евангелию.

Кротость и искренность Франциска не могли не оказать своего действия на Иннокентия III, который был слишком умен, чтобы не заметить, что перед ним встает новая сила в образе Франциска, умевшего, несмотря на смирение, говорить тоном, невольно внушавшим уважение папе. Весьма возможно, что папа вспомнил при этом пример кротких вальденцев (лионских нищих), которых отказ церкви превратил в опасных еретиков. Кроме того, на Иннокентия III подействовало заявление кардинала, принявшего под свое покровительство Франциска и возразившего на замечание, что образ жизни, проповедуемый Франциском, превышает человеческие силы: “Но если мы будем утверждать, что соблюдение евангельского совершенства и обет, даваемый в этом смысле, представляет нечто новое, неразумное или невозможное, то разве мы этим не навлечем на себя обвинения в отрицании Евангелия?”.

Нельзя было, конечно, объявить стремление к евангельскому образу жизни несовместным с идеями и целями церкви, и поставленная на эту точку зрения просьба “нищего” должна была быть уважена церковью. Таким образом, папа увидел себя вынужденным удовлетворить просьбу Франциска, потребовав от него, конечно, чтобы он на коленях принял присягу в повиновении и почтении к папе. После того папа дал ему и ученикам его тонзуру[3], т.е. принял их в число служителей церкви и разрешил им проповедовать покаяние и евангельское житие, согласно внушению Господа.

– Идите, дети мои, – сказал он им, – и когда Господь умножит вас числом и возвеличит своею благодатью, то Я признаю вас достойными более важных поручений и полномочий.

Франциск и его товарищи были слишком простодушны, чтобы понять, что в этих словах папы заключается лишь условное согласие и что, даруя им тонзуру и зачисляя их в число служителей церкви, папа налагает на них известные узы, привязывающие их к римской церкви. И эта печать, наложенная римской церковью на чисто светскую общину Франциска, мало-помалу должна была превратить ее в клерикальное учреждение и лишить первобытной свежести. Франциск и его товарищи не сознавали в ту минуту, что часть их независимости исчезла вместе с теми клочками волос, которые были выбриты у них для образования тонзуры. Душа их была переполнена радостью; отныне им нечего было опасаться притеснений и столкновений с духовенством, путь был открыт перед ними, и они устремились на него со всем пылом истинных миссионеров Христа.

Но многим из последователей Франциска пришлось впоследствии проливать слезы о потерянной свободе, и многие погибли, стараясь вернуть ее.

Глава V

Легенды о видениях папы. – Успех Франциска и его радость. – Возвращение в Ассизи. – Первый францисканский монастырь. – Возрастание популярности. – Проповедь Франциска. – Его отношение к людям и животным, любовь к природе. – Легенда о волке. – Жизнь в францисканской общине. – Смирение и доброта Франциска. – Пренебрежение обрядами. – Орден терциариев

Легенда, конечно, разукрасила важный факт принятия Франциска и его товарищей в лоно церкви. По словам этой легенды, перед приходом Франциска папа видел во сне, что церковь св. Иоанна Латеранского качается, точно во время бури. Вдруг подходит какой-то невзрачный нищий, в котором папа узнает ассизского отшельника, и подставляет свое плечо, для того чтобы поддержать церковь от падения. Проснувшись от этого сна, папа долго думал, что бы могло означать это видение, и понял, что оно было знамением, указывающим, через кого будет поднята и поддержана церковь Божия.

Бонавентура рассказывает еще следующую подробность о первой встрече Франциска с Иннокентием III, тоже относящуюся к легендам, которыми вообще уснащено предание об этом свидании. Папа, погруженный в высокие думы, прогуливался по террасе Латеранского дворца, как вдруг увидел перед собою нищего. Разгневанный папа прогнал его, и он смиренно удалился. Ночью папа видит сон: из-под его ног начала расти пальма, быстро развившаяся в прекрасное дерево, и папа получил откровение, что это дерево обозначает именно того нищего, которого он прогнал от себя. Тогда папа велел разыскать его.

Радость францисканцев была безмерна, когда, наконец, они добились своей цели и могли покинуть Рим, где все было для них так ново и чуждо. Они приветствовали как избавление свой выход из Рима, где провели столько дней в мучительной неизвестности, подвергаясь насмешкам папской челяди и чувствуя, что прелаты относятся к ним с плохо скрываемым недоверием и недоброжелательством. Живя в этом большом, шумном и роскошном городе, францисканцы все время испытывали тоску по родине и рвались душою к своим дорогим горам и родному шалашу. Поэтому, не медля ни минуты, тотчас же по окончании церемонии принятия их в число служителей церкви, они отправились поклониться гробнице св. Петра и покинули Рим.

Дорога, по которой они направились, пролегала по совершенно пустынной местности, в стороне от Тибра. Лишенная

всякой растительности, не освежаемая тенью, эта местность должна была производить удручающее впечатление на путников. Кое-где лишь попадались развалины да покинутые хижины, и на горизонте виднелись такие же обнаженные горы, точно гигантские стены, заслоняющие от путника весь остальной мир. В жаркое время никто не решался пускаться в путь по этой дороге, не приняв особенных мер предосторожности; но Франциск и его товарищи или не знали, или позабыли об этом в своей радости и нетерпении поскорее вернуться на родину. Они бодро вышли из римских ворот и отправились по пыльной дороге, расстилавшейся бесконечной лентой перед ними. Раскаленная атмосфера, пропитанная мелкой пылью, неподвижно стоящей в воздухе, скоро начала оказывать на них свое смертоносное влияние. Чем дальше они подвигались, тем труднее им становилось дышать. Ни деревца, ни кустика, где бы можно было укрыться от палящих лучей немилосердного солнца. Тщетно высматривали они, не видать ли где-нибудь хижины, где бы им дали воды промочить пересохшее горло и губы. Несчастные путники, изнемогая от жажды и усталости, сковывавшей их члены, считали себя уже погибшими в этой ужасной пустыне. Как вдруг нежданно явилась помощь. Какой-то путешественник случайно наткнулся на них и поделился с ними своими запасами воды. Он смочил им пылающие головы и дал возможность утолить мучительную жажду, так что францисканцы, подкрепив силы и ободренные неожиданной помощью, в которой видели руку Провидения, могли опять продолжать свой путь. Но все-таки они были так утомлены, что должны были остановиться на отдых в первой же попавшейся на пути деревушке. Там они нашли убежище по своему вкусу, в развалинах древней этрусской гробницы, какие до сих пор еще попадаются в этой местности и служат притоном для нищих и кочующих цыган. В этих развалинах францисканцы прожили две недели, искренне наслаждаясь природой и уединением. Каждый день, утром, некоторые из “братьев” отправлялись в ближайшее селение собирать милостыню для дневного пропитания; другие же оставались, предаваясь созерцанию, или же составляли тысячи планов будущей деятельности.

Такая уединенная, созерцательная жизнь имела столько привлекательности для Франциска, что он должен был сделать над собой усилие, чтобы отказаться от нее. Не раз в жизни его соблазняла мысль удалиться от мира и жить в уединении, прислушиваясь лишь к голосу собственной души, но любовь к страждущему человечеству всегда брала верх над этими эгоистическими побуждениями. Измученное средневековое

человечество жаждало душевного мира, считая его высшим благом, достоянием лишь избранных в раю, и Франциск был слишком сыном своего века, чтобы не испытывать страстного желания найти этот мир в стенах какой-нибудь уединенной обители, но он ни разу не поддался искушению – и в этом заключается главная особенность его личности.

Когда францисканцы покинули свое временное убежище, они все были преисполнены рвения начать скорее апостольское служение; поэтому они стали проповедовать во всех селах и городах, которые попадались им по дороге. Проповедь их всегда была одинакова; мир, покаяние, сострадание и любовь ко всему живущему – вот и весь кодекс, откуда они черпали свои поучения. Народ охотно их слушал, и безмерная любовь, переполнявшая сердца братьев-францисканцев, внушала им такие слова, которые проникали в душу слушателей и возбуждали в них чувства преданности, самоотвержения и жажды нравственных подвигов. Скоро эти неизвестные странствующие проповедники в рубищах приобрели огромную популярность.

В Ассизской долине, на расстоянии одного часа ходьбы от города, по большой дороге, ведущей из Перуджии в Рим, находилась полуразрушенная хижина, носившая название Риво Торто. Вблизи нее протекал горный поток, низвергавшийся с горы Субазио, совершенно высыхавший в жаркое время года, но становившийся грозным и бурным после грозы. Хижина никому не принадлежала. Прежде она служила убежищем для прокаженных, но после того как эти последние были переведены в госпиталь, она была покинута и постепенно пришла в разрушение. Вот ее-то Франциск и избрал жилищем для себя и товарищей. Уединенное положение хижины нравилось ему, и кроме того, она находилась в одинаковом расстоянии от часовни св. Дамиана и Порциункулы. Но больше всего привлекала Франциска близость так называемых “Carceri”, природных маленьких гротов, находящихся в склонах горы Субазио, в лесу. В эти гроты ведут крутые, почти отвесные тропинки, удобные только для горных коз, и люди почти никогда не ходят по ним, так что Франциск и его товарищи, вскарабкавшись по этим тропинкам и укрывшись в гротах, могли рассчитывать, что никто не потревожит их уединения. Франциск удалялся в эти гроты, когда им овладевало сильное желание побыть наедине с самим собой и прислушаться к голосу души. Выбираемые им уединенные убежища находились всегда так близко от населенных местностей, что он мог отправляться туда для проповеди, не отделяя, таким образом, чисто созерцательную жизнь от жизни деятельной.

Возвращение Франциска в Ассизи сильно увеличило его популярность среди населения, и прежние нападки на него превратились в хор восхвалений. Его прославляли теперь столько же, сколько прежде осмеивали и поносили. Следующий случай еще более усилил к нему народное уважение: император Отгон IV, отправляясь короноваться в Рим, проехал через Италию с многочисленной блестящей свитой и нарочно окружил себя необыкновенной роскошью и великолепием, чтобы сильнее поразить народ. Народ действительно сбегался к нему навстречу, толпы приветствовали его, но Франциск не только не вышел из своего убежища, чтобы повидать императора, но даже советовал своей братии воздержаться, и ограничился лишь тем, что послал к императору одного из братьев, чтобы напомнить императору о тщете мирской славы и земных благ. Позднее отсюда выведено было заключение, что Франциск предсказал Отгону предстоящее отлучение от церкви.

Такое гордое поведение Франциска произвело очень сильное впечатление на народ, привыкший видеть, как поклоняются силе и богатству. Франциск много выиграл в народном уважении после этого, так как даже те люди, которые пресмыкаются перед властью, всегда невольно уважают тех, кто держит себя гордо и независимо. Толпа поняла, что Франциск не различает ни бедных, ни богатых, ни крестьян, ни господ, и что для него важнее всего человеческая душа, то есть чем более одинока эта душа, чем она более несчастна, тем она ближе и дороже ему.

Ни один биограф не указывает, сколько времени францисканцы пробыли в Риво Торто, но, судя по некоторым данным, они оставались там около года, проповедуя в окрестных городах и деревнях. Во время своего пребывания там им пришлось вытерпеть немало. Эта часть Ассизской долины подвергается каждую осень наводнениям, и много раз бедные францисканцы были блокированы потоком, так что не могли выйти из своей хижины для отыскания себе пропитания в городе, и довольствовались репой, которую находили на соседнем поле.

Хижина, служившая их жилищем, была так тесна, что когда они собирались все вместе, то едва могли двигаться. Для того, чтобы каждый знал свое место, Франциск надписал имя каждого брата на бревнах, поддерживавших хижину.

Франциск всегда был неизменно ясен и любил видеть вокруг себя веселые лица. Он говорил своим ученикам, что они должны прогонять мрачные мысли. “Отчего у тебя такое грустное лицо? – сказал он одному из них. – Если ты совершил какой-нибудь грех, то это касается лишь тебя самого и Бога. Молись Богу, но с нами сохраняй ясность духа, так как не должно иметь угрюмого лица,

находясь на службе Господа”.

Однажды ночью, когда все спали в хижине, Франциск услышал стоны – оказалось, что это стонал один из братьев, слишком изнурявший себя постом. Франциск догадался, что он стонет от голода, принес хлеба и пригласил его разделить с собою трапезу, а чтобы ему не было совестно, начал есть сам. Франциск был против всяких истязаний плоти. “Надо соразмерять свои силы и принимать необходимую пищу, – говорил он, – иначе тело не может служить духу. Остерегайтесь только излишеств: не следует есть слишком много, ибо это вредно для тела и для духа, ни чрезмерно поститься, так как Господь предпочитает дела милосердия исполнению внешних обрядов”. На этом основании, когда Франциск узнал, что некоторые из его учеников носят вериги, то велел их собрать, сложить в одну кучу и оставить в поле.

Чуткая душа Франциска угадывала страдания и желания других. Однажды он взял за руку больного брата и, приведя его в виноградник, сам стал есть вместе с ним виноград, чтобы ему не было так совестно. Этот простой поступок так тронул сердце больного, что он даже много лет спустя не мог вспомнить об этом без волнения.

Между тем Франциск не забывал своей миссии. Становясь смелее и все более и более сознавая свои обязанности по отношению к людям, он вмешивался в политические и социальные дела своей родины, повинуясь голосу сердца и не понимая в простоте душевной, как это злоба, гордость и лень могут, соединившись вместе, остановить в зародыше самые благородные порывы. У него была та вера, которая “двигает горы”, и не было скептицизма, указывающего на бесполезность одного только перемещения затруднений с одного места на другое.

Когда в Ассизи узнали, что Франциск получил разрешение папы, то народ стал настаивать, чтобы он проповедовал в церкви. Духовенство должно было уступить и предложило Франциску говорить проповедь в одной из церквей, которая, однако, оказалась слишком мала, чтобы вместить всех желающих слушать его, так что пришлось открыть для него двери собора.

Конечно, Франциск не говорил ничего нового в своих проповедях, но его простое, искреннее слово, проникнутое горячим убеждением, действовало на слушателей сильнее, чем заученная, строго выдержанная в богословском отношении, речь официальных проповедников. Франциск не знал никакого богословия, для него Евангелие составляло все, и он заимствовал оттуда те великие истины, которые говорил народу. Он

произносил свои проповеди без всякой подготовки; смеялся, плакал, приходил в сильнейшее возбуждение, и когда говорил об ужасах войны, о преступлениях народов, о низости великих мира сего, об алчности, позорящей церковь, и презрении к бедности и жажде материальных благ, то каждый из его слушателей начинал испытывать нечто похожее на угрызения совести и стыдиться своих дурных поступков. Внимательная и тем более возбужденная толпа всегда бывает очень впечатлительна; средневековая же толпа отличалась особенной впечатлительностью уже в силу существовавших тогда условий, и поэтому проповедники всегда имели над нею большую власть.

Чтобы понять впечатление, которое производили проповеди Франциска, надо мысленно перенестись в эпоху его деятельности. Толпа, собиравшаяся в большой Ассизский собор слушать проповедников, не стеснялась высказывать им то ропотом, то аплодисментами свое одобрение или неодобрение. Она слушала, стоя или на коленях, жестикулирующего и расхаживающего по церковной кафедре проповедника и судила о нем. Если же мы вспомним, что имя Франциска уже пользовалось известностью и что одни относились к нему с сочувствием, другие же с тайной оппозицией, то мы поймем, при каких условиях Франциск начал свои проповеди в соборе. Успех был поразительный. Бедные и униженные почувствовали, что нашли друга, брата, защитника и почти мстителя за себя. Мысли, которые они едва осмеливались шепотом высказывать друг другу, Франциск произносил громогласно, не стесняясь обвинял в пороках богатых и сильных, и даже служителей церкви и всем без различия проповедовал покаяние и любовь. Слова его были криком сердца, воззванием ко всем его соотечественникам и в них было нечто, напоминающее библейские времена, пророков Израиля.

Энтузиазм, возбужденный Франциском во всем населении Ассизи, почти граничил с безумием; он подчинил себе народ, видевший в нем нового мессию. Ученики прибывали, и все хотели идти по стопам Франциска; многим из них, доходившим до религиозного экстаза, казалось, что они видят Франциска возносящимся в огненной колеснице на небо.

История средних веков полна проявлениями такого религиозного энтузиазма, и религиозный невроз часто выражался в могущественных религиозных движениях, увлекавших тысячи людей. Рассказы, кажущиеся на первый взгляд слегка фантастическими, о десятках тысяч людей, стекавшихся слушать некоторых народных ораторов, не заключают в себе ничего преувеличенного, ораторы из народа всегда имели успех, и Франциск, подавший пример проповеди народным языком, на

перекрестках улиц, на площадях и в поле, конечно одержал верх над декламаторским искусством современных ему проповедников, ударявшихся в схоластические тонкости и вместо здоровой и простой пищи подносивших своим слушателям целые диссертации по поводу самых темных текстов Ветхого Завета. Франциск составлял полную противоположность с этими проповедниками и всегда говорил с народом понятным ему языком. В Ассизи он смело принял участие в гражданской распре и стал на сторону слабых – “minores”, стараясь вызвать примирение между ними и богатыми и сильными – “majores”; он заставил барона в окрестностях Ассизи дать свободу своим крепостным крестьянам, улаживал семейные ссоры и успокаивал вражду партий и народные волнения.

Духовная семья Франциска все еще не носила никакого наименования; Франциск не торопился ни с выработкой устава, ни с отысканием имени для своей общины. Случайно он назвал своих братьев “миноритами”, то есть меньшою братией, намекая на разделение жителей Ассиза на две партии: “majores” – богатых и сильных и “minores” – бедных и слабых. Это имя так и осталось за ними.

Число учеников Франциска быстро умножалось, и папа Иннокентий III, ставя свои условия Франциску, конечно, не мог этого предвидеть. Францисканцы уже не могли вести такую бродячую жизнь, как прежде; им нужно было основать где-нибудь постоянное пристанище и иметь в своем распоряжении хоть небольшую часовню. Напрасно они обращались с такой просьбой к епископам и каноникам – никто не хотел дать “нищим” место, и только после долгих исканий францисканцам удалось склонить бенедиктинского аббата в Субазио уступить им в вечное владение часовню Божьей Матери Порциункулы. Франциск был в восторге от этой удачи и тотчас же, вместе с братьями, принялся за постройку нескольких хижин возле церкви. Хижины были обнесены живой изгородью, и двое-трое суток было достаточно, чтобы организовать первый францисканский монастырь.

Десять лет монастырь этот вполне удовлетворял потребностям францисканцев, и эти десять лет можно считать самым героическим временем их ордена. Кругом монастыря был густой лес, в котором обыкновенно собирались все братья, чтобы получить наставления от своего учителя. Францисканцы обнаруживали большую деятельность. Глава их не терпел лености, и было бы ошибочно думать, что он и его последователи проводили большую часть времени в созерцании и собирании милостыни. Напротив, Франциск требовал, чтобы братья снискивали себе пропитание не одной только милостыней, а

трудом своих рук. В общине они должны были исполнять сами всякую работу. Проповедуя нищенство, Франциск имел в виду только отречение от собственности, но никак не отречение от труда. Он говорил только, что “брат минорит, пришедший в какую-нибудь местность и проводящий дни в проповедовании Слова Божия, раздавая таким образом духовную пищу алчущим душам, – не должен стыдиться принимать от них взамен материальную пищу”.

Итак, труд составлял правило в францисканской общине, а собирание милостыни – исключение, однако не заключающее в себе ничего постыдного. Франциск, несмотря на всю свою кротость и доброту, был очень строг с ленивцами и одного из братьев, не желавшего работать и ограничивавшегося лишь прошением милостыни, он прямо изгнал из общины, назвав его трутнем, который сам меда не делает, а только ест чужой. Братья, вступавшие в орден, продолжали заниматься тем самым ремеслом, которым занимались раньше. Если же они не знали никакого ремесла, то должны были научиться ему. В награду за труд им позволялось принимать только необходимую пищу, и единственная собственность, которую они могли иметь, были орудия ремесла. Только тогда, когда они не могли заработать себе дневное пропитание, им разрешалось просить милостыню.

Возмущенный и напуганный беспорядками и злоупотреблениями, местом которых сделалась церковь, и преследуемый грустными воспоминаниями о своей прошлой жизни и заблуждениях, Франциск видел в деньгах орудие дьявола и, постоянно думая об этом, дошел до того, что презренный металл стал ему казаться одаренным какою-то магической, роковой силой, как бы по тайному проклятию, которое тяготело над ним. И Франциск возненавидел деньги всеми силами души, как только можно ненавидеть своего смертельного врага.

Ученики Франциска большей частью вышли из ассизской молодежи. Это были преимущественно сыновья земледельцев, крестьяне; некоторые происходили из благородных семейств, но церковь и школа имели в среде францисканцев очень мало представителей. Вступление в общину не сопровождалось никакими затруднениями. В теории требовалось абсолютное повиновение настоятелю, но на практике Франциск предоставлял своим братьям полную свободу действий. Чтобы вступить в орден, достаточно было только заявить Франциску о своем желании вести евангельский образ жизни и подтвердить это желание раздачей бедным всего имущества. Таким образом, в ордене францисканцев совершенно отсутствовала феодальная и аристократическая организация, существовавшая в средневековых

монастырях. Община Франциска представляла настоящую религиозную республику, свободную и покоящуюся на вполне жизненных началах. Такая простая организация ордена немало способствовала его успеху. Ничто в жизни общины не напоминало строгого монастырского устава, не было ни частых служб, ни долгих обязательных молитв, и личная жизнь каждого из членов общины была свободна. Эта-то свобода, вместе с обаянием, которое производила на всех личность самого Франциска, привлекала к нему все классы итальянского общества.

Вскоре, однако, вследствие распространения францисканской проповеди почти на весь запад Европы, пришлось выработать устав и учредить некоторые должности. Францисканскими провинциями заведовали так называемые “ministri provinciales” (областные начальники) и затем уже учреждена была должность “ministri generales” (генеральные начальники), которые собственно были управителями общины и впоследствии назывались генералами францисканского ордена, но тогда, по идее смиренного Франциска, должны были быть только советниками и блюстителями францисканской общины, настоятель которой должен был жить в Ассизи и выбирался на три года советом из областных и общих начальников.

Любовь ко всем созданиям, составлявшая основную черту характера Франциска, образовала связь между монахом и внешним миром и смягчила суровый аскетический идеал. Монах, являвшийся всегда олицетворением скорби о грехах и вносивший своей черной рясой смущение в веселящуюся толпу, напоминая о бренности мира и об ожидающей грешников страшной каре за грехи, совершенно преобразовался в лице Франциска. Франциск желал быть глашатаем благой вести в народе и поэтому всегда являлся с радостным лицом. Внутренняя гармония, господствовавшая в его душе, невольно действовала на каждого, вступавшего с ним в общение, озаряла, согревала и восстанавливала ясность духа, разгоняя тоску и уныние. Личность Франциска окружена была каким-то особым поэтическим ореолом, и между францисканцами расцвела замечательная во многих отношениях религиозная поэзия.

Монашеский аскетизм Франциска вообще отличался от мрачного и сурового аскетизма средних веков тем, что он был чужд всякого фанатизма. Отвергая семью, Франциск далеко не вносил в это отречение той суровости и жестокого отношения к женщине, которое особенно характерно для средневекового монашества. Он вовсе не презирал женщин, хотя и избегал их до такой степени, что, как он сам заявил одному из своих товарищей, – не знал в лицо ни одной из них, но его осуждение

брака исходило лишь из того соображения, что семья слишком поглощает внимание человека и заставляет его заботиться только о себе.

Оригинальность Франциска заключается именно в том, что он всегда и во всем ставил сущность выше формы. Поэтому-то он был против истязаний и говорил своим братьям, что главное “любовь, а никак не еда и не исполнение обрядов”. Этот принцип любви, почерпнутый Франциском в личности Христа и преимущественно в его человеческом образе, послужил новым началом, преобразовавшим средневековое аскетическое мировоззрение и придавшим новый смысл монашеским добродетелям. Любовь к человеку выражалась у Франциска весьма характерно; он питал особенную нежность и сострадание к грешникам и преступникам, ко всем тем, кто нуждается в сострадании, и в этом отношении он составлял полную противоположность с господствующим в тогдашней монашеской среде гордым презрением к человеческим слабостям и порокам. Преступник и грешник в глазах Франциска нуждались, главным образом, в милосердии. Рассказы о Франциске в этом отношении переполнены в высшей степени трогательными и поэтическими чертами. Вот, например, что рассказывает о нем один из его биографов.

Однажды Франциск, проходя по пустынной местности Борго-Сан-Сеполькро и добравшись до Монте-Казале, встретил юношу, как видно из благородной семьи, который сказал ему: “Отец, я бы хотел быть одним из ваших”.

– Мой сын, – отвечал ему Франциск, – ты еще молод и притом получил изнеженное воспитание, тебе трудно будет следовать завету нищеты и жить так, как мы живем.

– Но, отец, разве вы не такие же люди, как я? То, что вы делаете, мог бы сделать и я с помощью Христа.

Ответ этот так понравился Франциску, что он дал ему свое благословение и принял в общину под именем брата Ангела. Брат Ангел так примерно вел себя, что вскоре его сделали настоятелем францисканской общины в Монте-Казале.

В те времена разбойничество очень процветало в стране, и было три знаменитых разбойника, причинявших немало неприятностей жителям этой местности. Однако, так как этим разбойникам надо было постоянно скрываться в лесу, то им не всегда удавалось раздобыть себе пропитание. Однажды, именно в такое трудное для них время, они пришли в общину и попросили у брата Ангела, чтобы он накормил их. Но он встретил их очень сурово, осыпал упреками за их недостойное поведение и прогнал. Разбойники удалились очень недовольные. Когда пришел

Франциск, брат Ангел рассказал ему, как он прогнал разбойников. Франциск сделал ему строгий выговор. “Приказываю тебе, во имя святого послушания, – сказал он, – взять тотчас же этот хлеб и это вино и отправиться разыскивать прогнанных тобою разбойников. Ты не должен возвращаться до тех пор, пока не разыщешь их и не попросишь у них смиренно прощения. От моего имени ты должен передать им, что я прошу их не делать зла и бояться Бога. Если они исполнят это, – я обязуюсь заботиться об их пропитании”.

Брат Ангел выполнил все, как приказал Франциск. Разбойники так были тронуты подобным отношением, к которому совершенно не привыкли, так как до сих пор их только проклинали и презирали везде, что сами пришли благодарить Франциска, и в конце концов не только переменили образ жизни, но даже вступили в общину.

Так же трогательно выражается и любовь Франциска ко всем животным, в которых он видел творения Божий. Эта любовь была также потребностью его поэтической души. Он разговаривал с животными, называл их братьями и сестрами и даже обращался к ним со словами проповеди, увещевая их “любить и славить Господа”.

В средневековом сборнике хорошеньких рассказов о св. Франциске, известных под общим названием “Цветочки” (Fioretti di san Francisco) и принадлежащих разным авторам, находится следующая легенда, в которой лучше всего отразилось как любовное отношение Франциска к животным, так и главная идея его проповеди, что любовь и прощение всегда должны восторжествовать над злом. Легенда эта называется: “Обращение лютого волка”. В окрестностях Агуббио появился страшно свирепый волк, наводивший ужас на всех жителей, так что никто не решался выходить из города иначе как с оружием в руках. Но страх был так велик, что даже владевшие оружием не в состоянии были защищаться, когда встречались с волком. Франциск, желая помочь жителям, отправился сам отыскивать волка, хотя все его уговаривали не делать этого. Однако Франциск не побоялся идти навстречу страшному врагу. Спутники, сопровождавшие его, остановились тотчас же, как только издали завидели волка, но Франциск храбро пошел к нему навстречу, и волк бросился на него с открытой пастью. Франциск сделал знамение креста и обратился к волку со следующими словами: “Брат мой, волк, ты совершил много зла, губя творения Божий, на что ты не имел права, но ты не только умерщвлял и пожирал животных, но губил и людей, созданных по образу и подобию Божию. За все эти великие злодейства ты достоин казни, как разбойник и душегуб,

и вся страна ропщет на тебя и ненавидит тебя. Но я хочу устроить мир между тобою и людьми. Ты не будешь более совершать злодейств, и люди простят тебе прежние обиды, и ни люди, ни собаки не будут тебя преследовать". Волк слушал Франциска, поникнув головой, как будто тронутый его словами, и Франциск, поняв, что волк принимает его условия, сказал: "Ты согласен, брат волк, заключить мир и соблюдать его, и я обещаю тебе, что все здешние жители будут удовлетворять твои нужды и ты уже более никогда не будешь страдать от голода, так как я знаю, что именно от голода ты и совершал злодейства". Тут Франциск протянул руку волку, и волк вложил в нее свою лапу. Мир был заключен. Волк прожил около двух лет и свободно разгуливал по улицам Агуббио, подходя к дверям домов, где ему охотно давали пищу. Так как он никого не обижал более, то ни люди, ни собаки, в свою очередь, не трогали его. Когда же он кончил свое земное существование, то жители Агуббио даже горевали о нем, так как кротость старого волка служила им живым напоминанием о добродетелях и святости Франциска.

Эти рассказы о Франциске указывают также, что он всей душой любил природу, не боясь никаких искушений скрытых будто бы в ней демонов, что заставляло средневековых монахов избегать природы и сурово прятаться от нее, не давая волю чувству наслаждения природой и видя в нем только источник соблазна. Франциск же радостно и доверчиво, всем существом отдавался наслаждению природой. В числе хвалебных гимнов, образующих францисканскую поэзию, находится, между прочим, гимн солнцу, приписываемый Франциску, в котором он восхваляет Бога за все Его великие и прекрасные творения. Это гимн, воспевающий красоту и прелесть Божьего мира – яркое солнце, сияние звезд, теплый ветерок, журчание прозрачных вод и материнские дары земли, украшенной зеленой муравой, яркими цветами и плодами. Кроме того Франциск воспевает прощение, мир и терпеливое страдание. Таким образом, в лице Франциска аскетизм получает совершенно другой смысл, Франциск также отрекается от мира, земных благ и личного счастья, но это отречение не сопровождается у него презрением к миру и греховности человека: наоборот, сердце его преисполнено соболезнованием и жалостью к страдающему человечеству, и вот почему он проповедует не бегство из мира, а возвращение в мир для служения человечеству – и превращает монаха в апостола.

Жизнь в францисканской общине совершенно отличалась от жизни в других монастырях. Молодость ее членов, самоотвержение и безмерная любовь, наполнявшая их сердца и делающая их всегда готовыми жертвовать собою ради других,

сообщали ей столько привлекательности, что невольно взоры всех обращались в ее сторону, и многим казалось, что оттуда именно и должен появиться свет, который укажет путь спасения человечеству. Скромная часовенка Порциункулы получила значение Нового Сиона, куда устремилось слепое человечество, чтобы прозреть. Популярность общины росла не по дням, а по часам. Когда Франциск входил в какой-нибудь город, все жители выбегали к нему навстречу. Иногда площадь не могла вместить огромной толпы, желавшей слушать его проповедь. Дети целыми толпами встречали его на дороге, неся зеленые ветви и хоругви и распевая священные гимны. Колокола звонили, точно к Христовой заутрене. Рабочие корпорации, ремесленные цехи – все устремлялись к нему, охваченные энтузиазмом. Иногда самому Франциску приходилось от этого плохо. Ему даже однажды пришлось искать спасения в лодке, стоявшей у берега, так как иначе он рисковал быть задушенным толпой. В другой раз толпа, устремившаяся за Франциском, совершенно растоптала виноградник одного бедного священника. По словам легенды, Франциск утешил священника, пообещав ему обильный урожай, и действительно никогда еще священник не собирал столько винограда, сколько собрал в этом году.

Однажды, в ночь под Рождество, Франциск созвал всех окрестных крестьян и пастухов, чтобы вместе встретить общей молитвой великий праздник. В полночь богомольцы с факелами в руках устремились к убогому хлеву, стоявшему в лесу. Там их ожидал Франциск возле яслей, наполненных соломой. Тут же стоял и домашний скот. Франциск прочел главу из Евангелия и затем, обратясь к коленопреклоненным богомольцам, стал им говорить о Спасителе мира. Слушая кроткую проповедь Франциска, все эти бедняки, очерствевшие в постоянной борьбе с нуждой, привыкшие видеть всегда только торжество силы и богатства, почувствовали, что есть Господь бедных, униженных и несчастных, и им казалось, что Он простирает к ним руки и они слышат призыв: “Придите ко мне все страждущие и обремененные и Я успокою вас”.

Но чем больше росло влияние и значение францисканской общины, тем более заботился Франциск о том, чтобы суетные чувства не проникли в душу его братьев. Он строго завещал им никогда не испрашивать никаких привилегий у папства и не занимать высоких должностей. Главным их назначением должна быть апостольская проповедь Евангелия темному, невежественному народу. Франциск требовал, чтобы францисканские общины не имели даже никакой общей собственности, и чтобы его братья никогда не имели никаких

земных забот и не знали, чем будут питаться на другой день. Молитвенники, церковная утварь – все это находится лишь в их временном пользовании и отнюдь не составляет их собственности. “Собственность, – говорит он, – заставляет людей враждовать между собой, поэтому труднее попасть на небо из палат, чем из хижины”. Отречение от собственности должно быть полное и безусловное, и в этом отношении Франциск был неумолим, так что, например, отказался принять ученика, который роздал свое имущество не просто бедным, а своим родным. “Ты еще не вышел из своего дома и своей родни” – сказал ему Франциск.

В сборнике преданий о Франциске рассказывается, что однажды, отправившись собирать милостыню, он принес всего лишь несколько сухих корок хлеба. Ему подавали мало, потому что он был с виду невзрачный, худой и бледный, тогда как один из его учеников, красивый и рослый юноша, собрал много подаяния. Добытые припасы разложили на большом белом камне возле хорошенького ручейка, сверкавшего на солнце.

Франциск искренне восхищался роскошным пиршеством, которое они себе устроили. “Но ведь у нас ничего нет, кроме скатерти, ни салфеток, ни стола, ни приборов, ни дома, ни слуг, чтобы служить нам!” – “А разве ты ни во что не считаешь этот прекрасный камень, прозрачную воду и куски хлеба?” – сказал Франциск.

Франциск постоянно старался подавать пример смирения своим братьям. Раз он потребовал, чтобы один из его учеников, брат Леон, отличавшийся голубиною чистотой, стал бы его укорять в разных грехах и недостойных поступках. Франциск подсказывал ему, что говорить, но Леон никак не мог выговорить упреков и только говорил хвалу.

– Знаешь ли ты, в чем состоит истинное счастье братьев миноритов? – спросил однажды Франциск Леона, когда они возвращались вместе в холодный зимний вечер из Перуджии в Ассизи. – Счастье заключается вовсе не в том, чтобы удивлять мир своей святостью, совершать чудеса и постичь всю премудрость и даже не в том, чтобы обращать язычников. Счастье состоит в том, чтобы выносить терпеливо все страдания и невзгоды. Если мы придем к часовне продрогшие от холода, усталые и голодные, и привратник прогонит нас, назвав негодяями и бродягами, мы же при этом смиренно подумаем, что он прав, обзывая нас так, и вынесем терпеливо все его оскорбления, хотя бы он вытолкал нас в снег и сорвал с нас капюшоны, если мы с терпением перенесем все это, вспоминая о страданиях Иисуса, – мы познаем истинное счастье!

– Когда вы видите бедного, – говорил Франциск своим монахам, – то вам, как в зеркале, должны представляться Господь и бедная Матерь Его.

Одному монаху, резко отказавшему нищему, Франциск приказал снять одежды и пасть ниц перед нищим, смиренно прося у него прощения.

Однажды Франциск, одетый теплее обыкновенного по случаю нездоровья, встретил нищего в рубище. Увидев его, он тотчас же сказал своему спутнику, что должен исполнить свой долг и отдать теплый плащ нищему. – “Этот плащ ведь не принадлежит мне, – сказал Франциск, – я получил его лишь на время, до тех пор, пока не встретится более нуждающийся чем я”. На возражения спутника, указывавшего ему на его нездоровье, Франциск ответил: “Ведь это было бы равносильно воровству, если бы я не отдал того, что ношу на себе, тому, кто более в этом нуждается”.

Когда кто-то выразил Франциску изумление, что он и его спутники так легко выносят зимнюю стужу в своей бедной одежде, он ответил: “Если б в нас сильнее пылала любовь к небесному отечеству, мы бы еще легче переносили стужу”.

До какой степени Франциск придавал значение милосердию, и как в то же время он мало обращал внимания на обрядность, доказывает, например, следующий рассказ. Однажды к францисканской обители пришла старушка, сыновья которой вступили в общину, и просила милостыню. Оказалось, что у монахов ничего не было, чтобы подать ей, и Франциску сказали, что в обители есть только Библия, по которой монахи читают тексты во время богослужения. “Ну, так дайте ей Библию, – сказал Франциск. – Пусть она продаст ее и облегчит свою бедность. Господу более угодно, чтобы мы утолили ее нужду, чем читали Библию в храме”.

В другой раз он очутился вместе с одним из братьев в пустынном месте в час заутрени. Так как у них не было ни книг, ни церковной утвари, чтобы совершить богослужение, то Франциск сказал, обращаясь к своему спутнику: “Брат Леон, у нас нет молитвенника, чтобы отслужить заутреню, но мы можем и так восхвалять Господа”.

Устроенная на таких началах община, конечно, скоро завоевала всеобщие симпатии. Вскоре по возвращении из Рима Франциск учредил женский отдел своей общины, во главе которого стала св. Клара, дочь ассизского богатого дворянина, увлекшаяся проповедью Франциска. Но гораздо большее значение имел орден “кающихся мирян”, так называемые “терциарии”, куда могли вступать равно как мужчины, так и женщины,

сохраняя свое имущество и общественное положение и оставаясь в супружестве. От них не требовалось монашеского образа жизни, а лишь возможно большее приближение к идеалу, изображенному в Нагорной проповеди. Они должны были воздерживаться от клеветы, употребления оружия, слишком светской жизни, но во всех этих отношениях устав этой общины мирян допускал много смягчений и исключений. При вступлении в общину члены обязаны были только вернуть все несправедливо ими присвоенное и примириться с врагами; жены же должны были получить согласие от своих мужей. В учреждении этой общины просвечивает та же идея, на которой зиждется вся проповедь Франциска – желание обратить весь мир к евангельскому житию. Посредством этой общины его проповедь могла иметь влияние на общество, смиряя высокомерие богатых и ободряя бедных. Общины “кающихся мирян” далеко раскинулись и за пределы Италии, соединив духовными узами людей, отчужденных друг от друга суровым сословным духом средневекового общества.

Глава VI

Собрания в Порциункуле. – Первые попытки обращения неверных в христианство. – Быстрый рост францисканской общины вызывает изменения ее первоначального строя. – Кардинал Уголино и Франциск. – Новый устав. – Эволюция ордена. – Душевное настроение Франциска. – Стигматы. – Болезнь Франциска. – Его смерть

По установленному Франциском обычаю все братья должны были собираться сначала два раза в год, затем один раз, в Порциункуле, колыбели ордена, где они сообщали о своей деятельности Франциску, советовались с ним и делились между собой своими впечатлениями и надеждами. Вскоре такие собрания приняли характер генеральных капитулов, на которых обсуждались статуты ордена и все, что касалось его дел. При жизни Франциска на таком капитуле собиралось до 5 тысяч человек, но вскоре орден так разросся, что на такой капитул стали сходиться только делегаты от отдельных францисканских общин.

Франциск на этих капитулах всегда наставлял братьев остерегаться несправедливости и чрезмерной строгости по отношению к грешным людям, погрязшим в суете мирской. “Главное, вы должны носить мир в сердце и никогда не вызывать никаких раздоров и не служить поводом к каким-нибудь скандалам или неприятностям, – говорил Франциск. – Наша жизнь должна быть такова, чтобы каждый, видя нас и слушая нас, чувствовал потребность восхвалять Господа”.

Успех проповеди Франциска среди христиан внушил ему совершенно новую для того времени мысль отправиться проповедовать Евангелие неверным. До Франциска такая миссионерская деятельность была совершенно неизвестна, и духовенство ограничивалось лишь тем, что возбуждало в своей пастве фанатизм и злобу против неверных, или отправляло толпы крестоносцев для их истребления. Франциск первым решил отправиться к магометанам и язычникам с проповедью мира и Евангелием в руках вместо оружия. Таким образом, миссионерская деятельность сделалась одной из главных задач францисканского ордена. Франциск, впрочем, учреждая миссионерскую деятельность, имел в виду еще и другую цель. Число братьев так умножилось в Италии, что необходимо было открыть им новые области для проповеди, и поэтому Франциск, не очень заботившийся об обращении еретиков и не чувствовавший склонности к богословским спорам и книжной

учености, решил направить деятельность францисканцев в страны язычников и мусульман, причем первый подал пример, явившись в лагерь крестоносцев под стенами Дамьетты в Египте. Он мечтал обратить в христианство сарацин и бесстрашно отправился в лагерь к султану. Легенда об этом событии повествует, что Франциска по дороге схватили сарацины, но он сказал им: “Я – христианин, ведите меня к вашему господину”, и когда его привели к султану, этот последний был побежден его кротостью и внимательно слушал его проповедь. Легенда прибавляет, что султан упрашивал Франциска остаться у него, но Франциск поставил ему условие, чтобы он обратился со всем своим народом ко Христу, и предложил ему, в доказательство истинности своей веры, пройти через пылающий костер вместе с мусульманским имамом. Из мусульманского духовенства, однако, не нашлось никого, кто бы согласился на это испытание, и тогда Франциск предложил султану, что он сделает это испытание один, если султан обещает принять христианство, в случае удачных результатов опыта. “Если же я погибну в огне, то припиши это моим грехам, – прибавил Франциск. Но султан, опасаясь мятежа своих подчиненных, не согласился на это, и Франциск вернулся в лагерь крестоносцев. Рассказывают, что, прощаясь с Франциском, султан ему сказал: “Молись за меня, чтобы Бог открыл мне, какая вера Ему угоднее”.

По возвращении на родину Франциск нашел общину свою в самом цветущем состоянии. Ветви ее раскинулись по всей Европе, и в 1215 году папа торжественно утвердил францисканский орден на Латеранском соборе. Франциск мог радоваться за свое дело, оно разрасталось, но именно этот быстрый рост и был причиной того, что Франциску при жизни пришлось постоянно бороться за сохранение самостоятельности ордена и той евангельской простоты, которая была им положена в его основу. Поэтому-то он так неохотно соглашался на то, чтобы ордену его дарованы были Римом какие бы то ни было привилегии. Франциск видел в этих привилегиях, которых так добивались другие монашеские ордена, только золотые путы, изменяющие и нарушающие первоначальный характер францисканской общины. Особенно трудно было ему бороться с группой недовольных в самом ордене. Среди францисканцев было уже много людей образованных, которым не нравилась чрезмерная простота устава ордена, не нравилось то, что Франциск упорно противится всякому возвышению ордена и усилению его могущества. Франциск не позволял своим братьям занимать каких бы то ни было духовных должностей, они не могли надеяться ни на какое повышение в церковной иерархии и не смели владеть никакой

собственностью. Упорство Франциска в данном случае, конечно, вызывалось опасением, что если он допустит малейшее отступление от первоначального принципа, то орден его вступит на торную дорожку всех монашеских общин и перестанет быть тем, чем он был до сих пор, то есть свободной религиозной общиной, не связанной никакими сословными или иными предрассудками и стремящейся не к власти и влиянию, а к распространению среди людей евангельских истин.

Первая попытка нарушения постановлений Франциска была сделана во время его отсутствия. Когда он отправился проповедовать Евангелие неверным, оставленные им вместо себя, во главе общины, викарии тотчас же после его отъезда начали все переделывать и вносить нововведения в устав ордена; конечно, они прежде всего постарались изменить характер обета нищеты и усложнили правила ордена, увеличив число постов и разных обрядностей, которым Франциск не придавал никакого значения. Во всем этом было видно явственное желание заключить францисканскую общину в рамки обыкновенной монашеской общины и стремление к власти и влиянию, не такому отвлеченному, каким до сих пор пользовались францисканцы, а более материальному и осязательному; заместители Франциска стремились подражать существующим монашеским орденам, надеясь, вероятно, превзойти их со временем и влиянием, и могуществом.

Однако все эти нововведения не встретили общего сочувствия во францисканской братии; нашлись такие, которые протестовали против извращения духа общины, основанной Франциском. К Франциску был отправлен один из братьев, чтобы сообщить ему о переменах в ордене и попросить его о скорейшем возвращении.

Франциск очень встревожился и поспешил вернуться. Он действительно нашел большие перемены. По его уставу миноритам не должны были ничем владеть, ни косвенным, ни прямым образом. Монастыри, где они обитали, были лишь временным убежищем для них. Между тем, подъезжая к Болонье, Франциск узнал о постройке дома для братьев францисканцев. По прибытии на место Франциск немедленно велел всем выбраться из дома, даже не делая исключений для больных. Только тогда, когда кардиналу уголино удалось убедить Франциска, что дом вовсе не принадлежит францисканской братии, а ему самому, то есть кардиналу уголино, Франциск согласился, чтобы братья временно проживали в нем.

Франциску был оказан восторженный прием по возвращении на родину. Всюду толпы народа сбегались к нему навстречу. Томас Спалато следующим образом описывает Франциска,

которого он видел проповедующим в одном маленьком городке: “Он говорил так красноречиво и так верно, что многие ученые люди приходили в восторг от его простых речей. В его обращении ничто не напоминало проповедника, он как будто разговаривал со своими слушателями, проповедуя, главным образом, уничтожение вражды и мир. Одежда его была бедна, в наружности его не замечалось ничего внушительного, он не был красив, но словам его Бог дал такую силу, что они обращали к миру и согласию многих знатных господ, дикая свирепость которых не останавливалась даже перед пролитием крови. Франциск возбуждал в людях такое благоговение, что мужчины и женщины толпою бегали за ним и те, кому удавалось прикоснуться к его одежде, – почитали себя глубоко счастливыми”.

Как ни горячо отстаивал Франциск неприкосновенность первоначальных принципов своего ордена, но он должен был, в конце концов, преклонить голову перед силой вещей. К тому же годы, лишения и болезнь брали свое. Франциск чувствовал потребность в покое и уединении, но всячески старался переломить себя. Он часто вспоминал в это время об одном сновидении, которое теперь казалось ему пророческим: ему снилась однажды черная курица с весьма многочисленным потомством. Бедная курица никак не могла прикрыть всех цыплят своими крыльями, и это очень тревожило ее. Франциск чувствовал себя в положении этой курицы. Его братия так умножилась, что он уже не имел возможности собирать ее возле себя, и хотя все еще оставался центром, но не мог не сознавать, что орден его слишком разросся, и он не в состоянии один управлять и следить за ним.

Умный и хитрый кардинал Уголино, которому Франциск почему-то очень доверял, воспользовался таким настроением Франциска, чтобы убедить его в необходимости следовать советам благоразумия и вдвинуть свой орден в обыкновенные рамки, установленные для всех религиозных орденов, выработав для него соответствующий подробный устав, на основании существующих уже уставов, освященных традициями церкви. Франциск чувствовал, что кардинал посягает на его высокий идеал и низводит его до уровня житейских требований, но он уже не мог противиться этому, не мог представить возражений на софистические доводы кардинала, старавшегося даже уверить Франциска, что он обнаруживает непокорность церкви, не соглашаясь подчиниться ее постановлениям. Хитрый кардинал так искусно вел свою тактику, что одержал победу над смиренным Франциском, в самом деле почувствовавшим себя как

будто виноватым, и даже добился того, что Франциск согласился просить, чтобы папа назначил кардинала официальным протектором ордена. С этого момента для францисканцев наступила новая эра, они сделались монашеским орденом в самом узком смысле этого слова, и вместе с тем начал меркнуть идеал, во имя которого жил и действовал Франциск.

По характеру своему Франциск не был способен к энергичному и резкому протесту и, проповедуя постоянно покорность и смирение, бессознательно довел в себе самом это смирение до крайних пределов. Поэтому-то он уступил новым течениям, властно заполонившим то дело, в которое он вложил свою душу, и грозившим все изменить и перевернуть. Но в душе Франциска все-таки происходила постоянная борьба, и отголоски ее можно заметить в разных рассказах о нем, относящихся к тому времени. Так, однажды к нему обратился какой-то послушник с вопросом – может ли он иметь собственный псалтирь. Франциск, восставший решительно против всякой собственности и не разрешавший братьям иметь даже священные книги, в то время уже не находился во главе ордена, передав после буллы кардинала Уголино, превратившей францисканскую общину в настоящий монашеский орден, управление его другим лицам, назначаемым церковью. Тем не менее, когда послушник обратился к нему с этим вопросом, Франциск ответил ему: “Люди думают, по-видимому, что, рассказывая и проповедуя подвиги святых, можно добиться славы и почестей, как будто сам совершил все эти подвиги... Теперь ты хочешь иметь псалтирь, но, получив его, ты захочешь иметь требник, а когда будешь иметь требник, то усядешься на кафедру как важный прелат и сделаешь знак своему товарищу: “Принесите мне мой требник!”. Франциск проговорил все это с жаром; видно было, что у него наболела душа. Затем, упав на колени, он сказал: “Прости меня, мой брат! Но тот, кто хочет быть братом миноритом, не должен иметь ничего своего, кроме носимой одежды”.

После капитула 1221 года, на котором был принят новый устав ордена, поражающий прежде всего своею обширностью, так как он занимал 10 страниц in folio, между тем как первый устав был написан на трех, эволюция ордена совершалась уже с необычайной быстротой. Ничто уже не могло задержать естественное течение вещей. Установление иерархии ордена повело за собой учреждение резиденций и монастырей, при которых оказалось необходимым иметь свои собственные церкви и т. д. Папство содействовало всеми зависящими от него средствами такому превращению францисканской общины, так как в своем новом виде францисканский орден мог быть очень

полезен римской курии приобретенным им влиянием и репутацией. Но сам Франциск уже совершенно отступил на задний план. Его заменил в управлении орденом сначала Петр Катанский, а затем, по смерти Петра, на место его был поставлен честолюбивый и умный францисканец Илья, сделавшийся окончательным преемником Франциска после его смерти.

Покорившийся тому, что оказалось сильнее его, Франциск сошел со сцены и стал большую часть времени проводить в уединении, в горах своей любимой Умбрии. В центральной Италии нет ни одной местности, где бы не сохранилось о нем воспоминания. Между Флоренцией и Римом то и дело встречаются холмы, хижины и гроты, носящие его имя или имя кого-нибудь из его учеников. Однако его продолжали посещать верные ученики, недовольные новым духом, воцарившимся в общине. Случалось, что Франциск, вероятно подавленный нравственно таким искажением его идеала и искавший успокоения своей души в чувстве смиренной покорности, говорил им о таком смирении и послушании, которое должно быть идеалом каждого монаха. Он предлагал им взять за образец бездыханный труп, который не противится ничему.

Такое стремление к безусловному пассивному послушанию, к уничтожению в себе всякого протеста, ясно указывает на угнетенное душевное настроение Франциска, так как оно отчасти напоминает стремление к самоуничтожению, желание лишиться способности чувствовать и страдать, которое овладевает человеком во время сильных нравственных и душевных мук.

И действительно, Франциск должен был глубоко страдать нравственно, наблюдая, как постепенно “плотский дух” вторгается в его учреждение и облекает его в земные формы. Обет нищенства постепенно терял свое значение, и на сцену выступали властолюбие и забота о мирских интересах. Простой и бесхитростный Франциск был врагом схоластической учености, хотя и питал трогательную почтительность ко всякому писанному слову, поднимая и убирая каждый исписанный листок бумаги, “так как ведь на нем, может быть, начертано имя Господне”. Но, уступая духу века, община его невольно становилась центром учености, и Франциск с горем видел, что в ней, вместе с расширением ее знаний и учености, возникает худший из пороков: высокомерие и гордость, заменившие прежнее смирение, бывшее основной добродетелью францисканцев. Франциск особенно возмутился, когда францисканский настоятель в Болонье учредил в монастыре нечто вроде коллегии. Апостол когда-то высказал ему свое неудовольствие по этому поводу, но, по-видимому, настоятель не обратил на его слова никакого

внимания, и кроткий Франциск пришел в такое сильное негодование, что даже проклял настоятеля; этот поступок указывает, как терзалась душа Франциска всем, что делалось вокруг него.

Многие из богословских авторов желают уверить, что Франциск ничего не имел против превращений, которым подвергся его орден, так как он сам желал его умножения и процветания, но это совершенно противоречит тем данным, которые можно найти у его биографов и в сочинениях его современников. Он, несомненно, был недоволен и даже сказал следующее: “Придет время, когда наш орден настолько уже потеряет свою хорошую репутацию, что его членам будет совестно показываться на свет”.

Больше всего его огорчало, конечно, что его последователи отказались совершенно от прежней апостольской жизни. Вначале братья минориты ради куска хлеба поступали иногда служителями. Это обыкновение также претерпело известное превращение. Под предлогом службы братья поступали к самым знатным лицам папского двора и делались их доверенными, становясь, таким образом, не ниже, а выше всех прочих. Мало-помалу между ними выработался какой-то особый класс придворных, и они принимали участие в различных интригах, на которые всегда были так падки римские прелаты. Франциск не мог протестовать против этого, но глубоко скорбел. Сам он до такой степени дорожил своей независимостью, что не мог пользоваться ничьим гостеприимством, и всегда чувствовал непреодолимое стремление к свободе, как только поселялся у кого-нибудь из своих доброжелателей-прелатов. Однажды, чувствуя потребность в покое, он принял предложение одного кардинала, любившего его, и поселился у него на время, но не выдержал даже нескольких дней, сказав, что демоны выгоняют его из “тюрьмы”. Это сравнение гостеприимства кардинала с тюрьмой весьма характерно для Франциска.

Неурядицы в его ордене и проявление несимпатичных сторон, заставляли Франциска все чаще и чаще искать уединения и утешения в беседе с Богом. Он чувствовал, что конец его близок, так как силы его падали, зрение слабело, и он почти не мог переваривать пищу. В это время он все больше и больше обращался мыслью к страданиям Спасителя, и постепенно чувство любви к Христу и жалости к его страданиям так охватило Франциска, что заставило его переживать с необыкновенной яркостью и реальностью все отдельные моменты жизни Иисуса Христа. Заветом всей жизни Франциска было подражание Христу, и Франциск действительно ни разу не уклонился от этого

принципа. Но раньше он только стремился провести его в жизнь, стараясь, чтобы ни один шаг его не противоречил идее смиренного, страждущего проповедника мира и любви; когда же он стал вести более созерцательную жизнь и начал всецело отдаваться помышлениям о страданиях Спасителя, то его все сильнее стало охватывать желание разделить муки Христа, испытать ощущение его ран. Проводя в молитве целые дни и ночи, Франциск, в том душевном и физическом состоянии, в котором он находился, легко, конечно, мог достигнуть экстаза. Поглощенный мыслями о страданиях Христа, он целые часы проводил у подножья алтаря в маленькой уединенной часовне на горе, читая и перечитывая главы Евангелия, посвященные страстям Господним, после чего удалялся в лес и там опять-таки мысленно переживал прочитанное. Когда Франциск раскрывал Евангелие, то непременно, вследствие частого чтения этих глав, оно само собою открывалось на описании страстей Господних. В этой простой, легко объяснимой случайности Франциск видел как бы указание свыше.

Однажды, проведя целую ночь в молитве и скорби о страданиях Христа, Франциск впал в состояние экстаза. Согласно одной из легенд, овладело им чувство неизъяснимого блаженства, причем ему представился лучезарный серафим, пригвожденный ко кресту. По другой легенде, апостолу нищеты представился сам распятый Христос, и когда Франциск простер к Небу руки, то почувствовал, что на его теле запечатлелись раны Христа. Эти знаки – “стигматы” – явились, так сказать, венцом всей жизни Франциска, они довершили его сходство с Христом в глазах его последователей. Существовали ли эти стигматы на самом деле, или же предание о них вызвано стремлением последователей Франциска еще более уподобить его божественному Учителю, по стопам которого он шел всю жизнь, – очень трудно решить положительным образом. Стигматизация Франциска вскоре после его смерти считалась неоспоримым фактом всеми его последователями. Но биограф Франциска, Фома Челано, называет Илью, преемника Франциска в управлении орденом, и Руфина *единственными счастливцами,* удостоившимися при жизни Франциска видеть его раны. Действительно, ничто не указывает, чтобы о стигматах Франциска шла речь еще при его жизни, и это дает повод немецкому историку Карлу Газе, написавшему очень подробное исследование о Франциске Ассизском, предположить, что стигматы представляют вымысел честолюбивого Ильи, преемника Франциска, упомянувшего в окружном послании, извещающем о смерти основателя ордена и о ранах на его теле, напоминающих раны Христа.

Однако позднейшие исследования в области психических явлений подтверждают возможность стигматизации, примерами которой вообще изобилует история мистицизма. Это любопытное явление, наблюдавшееся в различных странах и у различных людей, подвергавшихся религиозному экстазу, не подлежит в настоящее время ни малейшему сомнению. Оно служит выражением глубоких нарушений в общей экономии организма и является результатом психического расстройства, вызванного чрезмерным односторонним возбуждением и напряжением нервной системы. Во всех психических расстройствах подобного рода душевные состояния оказывают огромное влияние на физическую природу человека, идеи действуют на органы, вызывая в них соответствующие изменения. Люди, обладающие живым воображением и впечатлительной нервной организацией, гораздо более подвержены таким воздействиям психической природы на физическую, и сильное возбуждение нервной системы всегда выражается у них изменением функций различных органов. Ввиду всех таких фактов, неоднократно подтверждаемых научными наблюдениями, нет никакой надобности непременно считать вымыслом легенду о стигматах Франциска. Что Франциск скрывал свои раны, в этом нет ничего удивительного. Он был врагом всякого хвастовства, презирал все показное, и потому естественно считал противным духу смирения разглашать то, что считалось им необычайной благодатью, которой он удостоился за свою верность евангельскому идеалу.

Скромность Франциска была так велика, что всякое чествование, всякие внешние выражения восторга и поклонения тяготили его. Характерной чертой его служит также отсутствие в нем склонности творить чудеса. Он смотрел на чудо лишь как на совершенно исключительное средство, служащее для облегчения страданий, но никогда не прибегал к нему для доказательства своей миссии или для того, чтобы придать вес своим идеям. Такое почти полное отсутствие элементов чудесного в деятельности Франциска тем более знаменательно, что оно совершенно противоречит тенденции его века. Стоит посмотреть жизнеописание любого из его учеников, причисленных к лику святых, чтобы убедиться в этом. Все эти жизнеописания представляют не что иное, как напыщенный перечень всевозможных чудес, между тем в жизнеописаниях Франциска чудеса занимают второстепенное место, причем даже большинство этих чудес совершено не самим Франциском, а вещами, ему принадлежавшими.

Франциск действительно еще при жизни сделался чем-то вроде реликвии. Вокруг него развилась настоящая мания

амулетов, и куски его одежды, его волосы и даже обрезки ногтей считались святыней, которую верующие оспаривали друг у друга. Но это не могло радовать его и было только ему в тягость, тем более, что его тревожили и мучили перемены, совершившиеся в ордене. Высокий францисканский идеал бледнел и исчезал в туманной дали, и на первый план выступали особенно несимпатичные Франциску стороны монашества. Недовольные этими переменами братья часто жаловались Франциску, усиливая его душевные страдания. Он сознавал свое бессилие и невозможность изменить ход вещей и часто упрекал себя за малодушие, за то, что передал управление орденом в другие руки и не стал бороться с нахлынувшим потоком новых стремлений. Душевные страдания Франциска в значительной степени усиливались еще и его физическими страданиями. Силы его падали, появились приступы кровавой рвоты, и болезнь глаз, давно уже терзавшая его, приняла очень серьезные размеры. Но все это Франциск переносил с необыкновенной кротостью и терпением, сохранив до самого конца ясность духа. Только однажды он сказал посетившему его монаху, что даже пытку, пожалуй, легче перенести, чем приступы его болезни. “Но я всегда принимаю с покорностью те испытания, которые Господу Богу угодно было ниспослать мне”, – прибавил он тотчас же. Своим врачам Франциск сказал, что ему все равно, жить или умереть.

Предчувствуя близость кончины, Франциск страстно желал умереть на родине, и весной с большим трудом и беспрестанными остановками был перенесен в Ассизи. Там ему был оказан самый восторженный прием – все население высыпало к нему навстречу. Целое лето и часть осени Франциск, больной и страдающий, пролежал в доме епископа, но физические муки не помешали ему, однако, сочинить гимн “сестре нашей, телесной смерти”.

Лечивший Франциска врач предупредил его о приближении конца. Тогда Франциск попросил братьев перенести его в такое место, откуда бы он мог видеть часовню св. Дамиана и Порциункулы. Когда его принесли к этой последней часовне, он сказал, обращаясь к братии: “Никогда не покидайте этого места: оно священно”.

Франциск почти не мог двигаться, но несмотря на это, находясь еще в доме епископа, он постоянно просил, чтобы возле него пели сочиненный им гимн солнцу, и сам подтягивал, когда только мог. Таким образом во дворце епископа и днем, и ночью раздавалось пение, что вероятно немало его скандализировало, так как он находил подобную веселость перед лицом смерти

крайне неуместной, особенно для духовного лица, но Франциск находил, что ему нечего печалиться, покидая этот мир, так как твердо верил, что идет к Тому, которому служил всю жизнь.

Умирающего Франциска ученики его принесли на руках и опустили на землю в оливковой роще, окружающей часовню Порциункулы. Он уже почти не различал предметов, но просил, чтобы его приподняли и повернули лицом к родному городу. Когда это сделали, он с усилием поднял руку и, прощаясь с родной землей, благословил ее.

Франциск умер в тихий, ясный осенний вечер, освещенный лучами заходящего солнца. Это было в октябре 1226 года. Тело Франциска на другой же день было перенесено в соборную церковь Ассизи и положено в подземную часовню, вход в которую был найден лишь в нынешнем столетии. Но не успела закрыться могила Франциска, как уже над нею разыгрались людские страсти. Принципы властолюбия и заботы о мирских интересах столкнулись с идеализмом, заложенным в основу ордена. Прежде всего было отвергнуто завещание Франциска, как несогласное с уставом, утвержденным церковью; первоначальный же устав ордена, как слишком суровый и несогласный с требованиями жизни, был изменен папой Григорием IX (бывший кардинал Уголино), который при этом выдвинул на сцену свои тесные отношения с Франциском. Все это вызвало раскол; орден распался на две ветви: конвентуалов и обсервантов, за и против смягчения устава и монастырской собственности. Распря над могилой миротворца приняла ожесточенный характер. Обсерванты, восставая против материализации ордена, сделались, в конце концов, ярыми противниками папской теократии и зачастую подвергались преследованию, и даже погибали на костре. Завещание Франциска было конфисковано и уничтожено; в своем ослеплении представители противоположных воззрений дошли даже до того, что сожгли его на голове одного из тех, кто требовал строгого соблюдения устава учредителя ордена.

Спустя два года после своей смерти смиренный последователь Христа был торжественно признан святым. Папа Григорий IX сам прибыл в Ассизи, чтобы канонизировать его, и при этом Франциску было присвоено знаменательное название “Pater Seraphicus”. Преемник Франциска, Илья, пригласил знаменитого архитектора из Германии для постройки храма близ Ассизи, на холме, на котором, по преданию, совершалась прежде казнь преступников. Холм этот был назван “Холмом рая”. На нем возвысился первый готический храм в Италии, и, как только он был готов, тело Франциска перенесли туда. Это перенесение тела

кроткого миротворца послужило поводом к весьма бурному столкновению между гражданами города и монахами. Очень возможно, что ссора произошла из-за того, что граждане требовали раскрытия гроба, так как хотели видеть легендарные язвы на теле святого.

Итак, над телом смиренного Франциска, врага всякой пышности и обрядов, не желавшего при жизни иметь иного крова, кроме древесных ветвей, возвысился вскоре новый великолепный храм. Он лучше всего свидетельствует о той эволюции, которую совершила францисканская идея. Посмотрите на эту чудесную, гордо возвышающуюся базилику и затем обратите взоры на маленькую часовню св. Дамиана и гроты, служившие убежищем первым францисканцам, – и вы явственно увидите ту пропасть, которая разделяет идеал Франциска от идеала папы, причислившего его к лику святых.

Источники

“Vie de St. Francois d’Assise”, par *Paul Sabatier.*

“L’Italie mystique”. Emile Gebhart, Paris, par 1890.

“Nouvelles etudes d’histoire religieuse”, par *Ernest Renan.*

“La Magie et l’Astrologie dans l’Antigite et au moyen age” par *Alfred Maury.*

“Франциск Ассизский, апостол нищеты”, ст. *В.И. Герье* (“Вестник Европы”. Май-июнь 1892 г.).

notes

Примечания

1

Ничего не имеющий, всем владеющий (лат.).

2

“Священная обитель” *(лат.)*.

3

Выстриженное темя (“гуменцо”), как это принято и теперь у католических монахов на Западе.